

Хроноинквизиция 2

ЭХО

ЮРИЙ АДАМЕНКО

18+

Юрий Адаменко

Хроноинквизиция 2. Эхо

<https://litres.ru/74031114>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новое задание Хроноинквизиции — ликвидировать Эхо в Средневековье. Но когда Матвей и Корвус прибывают в Сент-Эмильон, они узнают в кузнеце-фантоме старого учителя, которого считали погибшим. Теперь им предстоит выбрать: нарушить закон, спасая человека, или выполнить приказ и жить с этим грузом вечно. Вторая книга цикла о цене сострадания в мире, где каждый миг может стать фатальным.

Юрий Адаменко

Хроноинквизиция 2. Эхо

1

1

Капсула «Ворона» приземлилась в боевом секторе с таким грохотом, будто с неба свалился подбитый бомбардировщик. Техники, дежурившие в зале, шарахнулись в стороны, кто-то выругался, кто-то схватился за оружие, но Петрович, старый оружейник, только покачал головой и потянулся за монтировкой.

— Опять эти голубчики, — проворчал он, открывая люк.
— Всю технику мне угробят к чёртовой матери.

Люк откинулся с шипением, и из капсулы вывалился Корвус.

Вывалился — это было точное слово. Старый инквизитор выбрался наружу, опираясь на протез, который гудел на пределе и, кажется, слегка дымился. Лицо его было серым, под глазами залегли такие тени, что можно было изучать астрономию, а на щеке темнела свежая ссадина.

— Живой? — спросил Петрович, протягивая руку.

— Вроде, — буркнул Корвус, отмахиваясь. — А ты чего такой встрепанный? Думал, не вернёмся?

— Думал, — честно признался Петрович. — Там такое

творилось, пока вас не было... Но вы давайте, рассказывайте, как слетали.

Корвус не ответил. Он отошёл от капсулы, огляделся, будто проверяя, всё ли на месте, и только потом повернулся к люку, из которого выбирался Матвей.

Матвей вылезал медленно. Каждое движение давалось с трудом — после лунной гравитации тело казалось чужим, налитым свинцом. Он спрыгнул на бетонный пол, пошатнулся, ухватился за край капсулы, чтобы не упасть. Петрович подхватил его под локоть.

— Тяжело, парень?

— Нормально, — выдавил Матвей. — Привыкнуть надо.

— К такому не привыкают, — проворчал Петрович. — Идите, отдохните. Я тут всё приведу в порядок.

Корвус уже шагал к выходу из боевого сектора, не оглядываясь. Матвей двинулся следом, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в мышцах. Лунная гравитация в шесть раз меньше земной, и после неё всё тело ломило, будто его выжали через пресс. Он вспомнил, как они шли по лунной пыли — медленно, прыгающими шагами, как аккуратно обходили кратеры и как вдалеке мерцали огни базы. Базы, которая оказалась пустой.

В раздевалке было тихо и пусто. Свет ламп мигал, создавая нервную атмосферу, но Матвей уже привык к этому полумраку. Он стянул скафандр — тяжёлый и громоздкий — и повертел его в руках. Скафандр был контрабандным, взя-

тым у барыги с Чёрного рынка. На учёте он не числился, и если бы их поймали, это было бы дополнительной статьёй. Но их не поймали. Вернее, их поймали, но не там.

Матвей снял рубашку, и в зеркале, висевшем на стене, увидел своё отражение. Синяки. Новые синяки расплзались по груди и плечам багровыми кляксами — там, где он ударился о поручни в лунном модуле, когда база начала дрожать. Ничего серьёзного, но неприятно. Он провёл пальцами по самому большому, на левом предплечье, и поморщился.

Вспомнилось, как они вошли в главный купол. Двери поддались с трудом — герметизация сработала на совесть даже спустя двадцать лет после закрытия колонии. Внутри было темно и тихо, только гул вентиляции, которая почему-то работала. Корвус шёл впереди, подсвечивая протезом, Матвей прикрывал тылы. Они прошли через шлюз, через складские помещения, через жилой блок — и везде было пусто. Совсем пусто. Ни людей, ни контрабандистов, никого. Только следы недавнего пребывания: пустые контейнеры из-под припасов, остывшие койки, ещё тёплые приборы. Кто-то был здесь совсем недавно, может быть, за час до их прилёта. И этот кто-то ушёл. Снова ушёл.

Матвей сжал кулак. Синяк на предплечье отозвался тупой болью, но он не обратил внимания. В голове крутилась одна мысль: где они? Где его родители, которых они надеялись найти? Где ответы, которые должны были ждать на этой базе? Всё было пусто. Кто-то всегда был на шаг впереди. Кто-

то знал, куда они идут, и успевал замести следы.

— Долго ещё будешь в зеркало пялиться? — раздался из коридора голос Корвуса. — Иди, отчёт писать надо. Пока начальство не явилось.

Матвей натянул чистую рубашку, застегнул пуговицы, пригладил волосы. В зеркале отражался парень с серыми глазами, такими же, как у отца на фотографии. Такими же, как у того монстра, который на секунду стал человеком. Матвей отвернулся и вышел в коридор.

Корвус ждал у двери, прислонившись к стене. Протез он уже снял, положил на скамью в раздевалке, и теперь левый рукав куртки болтался пустым, пристёгнутый булавкой. Без протеза он казался старше, уязвимее, но в глазах горел всё тот же огонь — усталый, циничный, но живой.

— Живой? — спросил Корвус, глядя на него.

— Живой, — ответил Матвей. — Вы как?

— Кости целы, — Корвус пожал плечами. — Протез перегрелся, но Петрович починит. Пойдём.

Они зашагали по коридору к кабинету Корвуса. Вокруг сновали люди. Кто-то тащил ящики с документами, кто-то проверял графики, кто-то просто курил у окна, поглядывая на рассвет. Обычная жизнь Инквизиции, которая не останавливалась ни на минуту, пока они ползали по лунным тоннелям.

Матвей думал о том, что они нашли там. Ничего. Абсолютно ничего. Только координаты следующей цели, которые

Корвус нашёл в старом компьютере, пока база дрожала и грозила обрушиться.

— Не кисни, — сказал Корвус, словно прочитав его мысли. — Мы живы. Это главное.

— Мы снова упустили его, — тихо ответил Матвей.

— Упустили, — согласился Корвус. — Но теперь у нас есть ниточка. Координаты, которые он забыл стереть. Или не забыл. Может, это ловушка. Может, нет. Но это лучше, чем ничего.

Они подошли к двери кабинета. Корвус толкнул её, и они вошли в привычный беспорядок: горы бумаг, стопки дел, бутылки на полках. Всё было на своих местах, будто их не было на Луне, будто ничего не случилось.

Даже стул с пружинами стоял на своём обычном месте, ожидая очередную жертву. Матвей опустился на него, чувствуя, как знакомые пружины впиваются в мягкое место, и на секунду закрыл глаза. Хотелось спать. Спать сутки, а лучше двое. Но Корвус уже пододвинул к себе чистый лист, макнул перо в чернильницу и приготовился писать.

— Диктуйте, — сказал Матвей, доставая свой блокнот.

Корвус усмехнулся, глядя на потрёпанную тетрадь, которую Матвей носил с собой ещё с первого курса Академии.

— Всё записываешь?

— Привычка, — пожал плечами Матвей. — Систематизирую.

— Систематизатор, — проворчал Корвус. — Ладно. Пиши.

Он откинулся на спинку кресла, почесал подбородок здоровой рукой, обдумывая формулировки.

— «Оперативная сводка по заданию № 248-Л, — начал Корвус. — Место и время: Луна, 2500 год, заброшенная колония «Нью-Транквилити». Цель: проверка информации о наличии базы Чёрного рынка».

Матвей быстро записывал, стараясь не отставать. Буквы ложились на бумагу мелкие и ровные — привычка, выработанная за годы учёбы.

— «Результат: при обследовании колонии следов деятельности Чёрного рынка не обнаружено. База заброшена, предположительно, несколько лет назад. Улики: старые записи, не представляющие оперативной ценности».

Матвей поднял голову. Корвус смотрел на него, прищурившись.

— Что? — спросил Матвей.

— Ничего. Пиши дальше.

— «Контрабандисты, предположительно, покинули базу за несколько дней до прибытия оперативной группы. Установить их местонахождение не удалось».

Матвей дописал строчку и замер. Там, на Луне, они нашли не только пустые залы и остывшие приборы. Они нашли старый компьютер, который Корвус успел расколоть за несколько минут до того, как база начала рушиться. И в этом

компьютере были записи. Записи о родителях. О том, что их превратили в Хронофагов. О том, что они всё ещё живы, если это можно назвать жизнью.

Но в рапорте об этом не было ни слова.

— «При выполнении задания, — продолжал Корвус, — оперативная группа столкнулась с техническими неполадками, вызванными деградацией инфраструктуры колонии. Эвакуация произведена в штатном режиме. Потери личного состава: нет».

Он замолчал, перечитал написанное, удовлетворённо кивнул.

— Всё. Подписывай.

Матвей взял рапорт, пробежал глазами по строчкам. Коротко, сухо, без деталей. Идеальный отчёт для начальства, которое не любит лишней информации.

— Вы ничего не написали про Куратора, — сказал он. — Про то, что он был там.

— Не был, — возразил Корвус. — Мы его не видели. Только следы.

— А про записи? Про моих...

— Замолчи, — оборвал Корвус. — Ты что, хочешь, чтобы начальство узнало, что твои родители — Хронофаги? Что Совет Хроносов существует на самом деле? Что Куратор на шаг впереди нас? — Он покачал головой. — Не нужно им этого знать. Пока.

Матвей сжал зубы. Он вспомнил, как они нашли тот ком-

пьютер. Он стоял в пыльном углу, на нём ещё горел экран, будто кто-то выключил его за минуту до их прихода. Корвус копался в файлах, пока база вздрагивала от подземных толчков. А потом он побелел. И сказал: «Твои родители живы. Но они уже не люди».

Матвей тогда не понял. А теперь понял. Понял, что Совет Хроносов не убивает тех, кто им мешает. Они превращают их. В оружие. В тени, которые бродят по времени и убивают по приказу.

— Нам нужно было сказать, — тихо сказал он. — Хотя бы Хранителю.

— Хранителю? — Корвус усмехнулся. — А ты уверен, что Хранитель не знает? Что он сам не часть этого?

Матвей поднял голову. В глазах Корвуса горел холодный огонь.

— Думаете, он с ними?

— Не знаю, — честно ответил Корвус. — Но я никому не доверяю. Кроме тебя. И себя. Пока.

Он взял рапорт, сложил его, сунул в конверт, поставил печать.

— Отнеси в канцелярию. Если спросят что — говори, что база пустая, контрабандисты ушли, ничего интересного. Понял?

— Понял, — кивнул Матвей.

Он взял конверт, поднялся. Ноги слегка подкашивались, но он справился.

Матвей вышел в коридор, сжимая конверт. Канцелярия была на первом этаже, идти минут пять. Он шёл медленно, стараясь не думать о том, что только что написал в рапорте. О том, что они нашли на Луне. О том, что Корвус скрыл правду. О том, что теперь они снова в сговоре, как и после Сталинграда. Как и после Авиньона.

В канцелярии былолюдно. Сновали курьеры с папками, стучали пишущие машинки, кто-то ругался в углу. Матвей отстоял небольшую очередь и протянул конверт женщине в очках с очень строгим лицом.

— От полевого отдела, — сказал он. — Корвус. Луна.

Женщина взяла конверт, повертела, проверила печать, что-то записала в журнал.

— Принято, — сказала она. — Идите.

Матвей вышел из канцелярии и направился обратно. В кабинете Корвус уже наливал себе виски. Увидев Матвея, подвинул второй стакан.

— Приняли?

— Приняли.

— Молодец. — Корвус сделал глоток. — А теперь иди отдыхай.

Матвей кивнул. Он допил виски, встал.

Матвей только успел дойти до своей комнаты, рухнуть на кровать и закрыть глаза, как в дверь постучали. Коротко, настойчиво, так, что пружины кровати жалобно скрипнули в

ответ. Он не шевельнулся. Может, показалось? Может, это просто гул в ушах после прыжка?

Стук повторился. Теперь громче.

— Волин! — голос Корвуса звучал глухо, но разборчиво.
— Не спи! Вставай, начальство зовёт.

Матвей сел, потёр лицо ладонями. Глаза слипались, тело ломило, а во рту было сухо, будто он всю ночь жевал песок. На часах, которые он оставил на тумбочке, было половина десятого утра. Они вернулись всего три часа назад. Три часа! Неужели нельзя дать людям поспать?

— Иду! — крикнул он, чтобы Корвус не снёс дверь.

Накинул куртку, провёл рукой по волосам, пытаюсь придать им хоть какой-то вид, и вышел в коридор. Корвус ждал, прислонившись к стене. Металлические пальцы мерно постукивали по стене. Он успел сменить куртку на свежую, но синяки под глазами никуда не делись.

— Что случилось? — спросил Матвей, застёгивая молнию.

— Срочный вызов, — ответил Корвус, уже шагая к лестнице. — Полковник Горский. Говорит, дело важное, откладывать нельзя.

— А поспать?

— Выспишься, когда на пенсию выйдешь. — Корвус усмехнулся, но усмешка вышла невесёлой. — Если, конечно, доживёшь.

Они спустились на первый этаж, прошли по длинному

коридору, мимо столовой, откуда доносился запах овсянки, мимо дежурной части, где кто-то громко ругался по рации, и остановились у двери с табличкой «Конференц-зал № 3». Корвус толкнул дверь, и Матвей шагнул следом.

Внутри был полумрак. Шторы задёрнуты, лампы не горели, только большой голографический экран на стене мерцал бледно-зелёным, подсвечивая лица сидящих за столом людей. Полковник Горский — начальник отдела кадров, толстый, лысеющий, с вечно потными ладонями — сидел во главе стола и нервно теребил папку. Рядом с ним расположились двое аналитиков. Матвей узнал их: молодой парень в очках с толстыми линзами, которого все звали «Профессор», и девушка с короткой стрижкой, вечно жующая жвачку, даже когда докладывает начальству.

— Явились, — проворчал Горский, даже не поздоровавшись. — Садитесь. Время не ждёт.

Корвус сел на стул, закинул ногу на ногу. Матвей пристроился рядом, чувствуя, как глаза слипаются. Профессор что-то щёлкнул на своём планшете, и экран ожил.

— Это Франция, — сказал он, и его голос зазвучал с лекторскими нотками. — 1347 год, регион Аквитания, небольшой городок Сент-Эмильон.

На экране появилась карта — старинная, с выцветшими красками, с обозначениями замков и церквей. Городок был крошечным, зажатым между холмами, с извилистой рекой и крепостной стеной.

— Что там случилось? — спросил Корвус.

— Зафиксирована устойчивая временная аномалия, — ответил Профессор. — Не в первый раз. Первые сигналы пошли ещё год назад, но тогда они были слабыми, мы списали на помехи. Теперь они усилились. Кто-то в этом городе не стареет. Или стареет слишком медленно.

— Эхо? — Матвей произнёс это слово и почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Предположительно, — кивнула девушка-аналитик, выплюнув жвачку в салфетку. — Человек, который живёт не в своём времени. Возможно, временная копия, возникшая при сбое хроно-перехода. Такие случаи бывали. Если Эхо встретит оригинал, возникнет парадокс. А если оригинал уже мёртв, Эхо всё равно может дестабилизироваться и создать локальный коллапс.

— Уничтожив город, — добавил Горский мрачно. — Вместе со всей округой.

На экране появилось изображение. Старая, чёрно-белая фотография, снятая, наверное, каким-то агентом Инквизиции. На ней был мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, с добрым лицом и большими руками, стоящий у наковальни. Кузнец. Он улыбался в объектив, будто не подозревая, что за ним следят. И не знал, что он — ошибка времени.

— Это Пьер Дюваль, — сказал Профессор. — Так его зовут в этом времени. Кузнец. Женат, трое детей. В городе его уважают.

Матвей смотрел на это лицо и не мог поверить. Человек, который просто живёт, работает, растит детей. Человек, который, возможно, не знает, что он — призрак.

— А кто он на самом деле? — спросил он. — Оригинал?

— Неизвестно, — ответила девушка. — Данных нет. Его временная линия обрывается где-то в прошлом. Может, он погиб. Может, его стёрли. Может, он сам стал путешественником и где-то затерялся. Но это Эхо — самое стабильное из всех, что мы видели. Оно существует уже сорок лет.

Сорок лет. Матвей перевёл взгляд на Корвуса. Тот сидел, глядя на экран, и лицо его было каменным.

— Приказ? — спросил Корвус.

Горский откашлялся, поправил галстук.

— Ликвидировать, — сказал он. — Эхо должно быть уничтожено, чтобы избежать риска коллапса. Операция простая: проникнуть в город, найти цель, нанести удар темпоральным клинком. Эхо не сопротивляется, оно даже не знает, что оно Эхо. Это не бой, это... санитарная процедура.

Матвей почувствовал, как внутри всё закипает. Санитарная процедура. Они говорят о человеке, который живёт, дышит, любит. У которого семья, дети. А они собираются убить его, как больную крысу.

— А если можно его спасти? — вырвалось у него.

Все повернулись к нему. Горский прищурился, аналитики переглянулись, Корвус положил руку ему на плечо — предупреждая, но Матвей не остановился.

— Если он живёт здесь сорок лет и ничего не случилось, может, можно его изолировать? Переместить в нейтральное время? Установить стабилизатор?

— Волин, — голос Горского стал холодным. — Мы не об-суждаем приказы. Мы их выполняем.

— Но он человек! У него дети!

— Эти дети — фантомы, — отрезал Горский. — Они ис-чезнут, когда схлопнется парадокс. А если схлопнется рань-ше, исчезнет весь город. Вы этого хотите?

Матвей замолчал. Он понимал логику. Понимал, что риск слишком велик. Но понимать и принять — разные вещи.

— Когда выступаем? — спросил Корвус.

— Через два дня, — ответил Профессор. — Нужно подго-товить снаряжение, изучить местность. Городок маленький, чужаков там быстро замечают, так что нужна легенда.

— Торговцы, — предложила девушка. — Обычное дело для того времени. Купцы, скупающие шерсть и вино. Тем более Сент-Эмильон — винодельческий регион.

— Добро, — кивнул Горский. — Готовьтесь. Вопросы?

Матвей хотел спросить, есть ли хоть малейший шанс со-хранить Эхо живым. Хотел спросить, пробовали ли они дру-гие способы. Хотел закричать, что нельзя убивать человека только потому, что он — ошибка. Но Корвус сжал его плечо сильнее, и он промолчал.

— Вопросов нет, — сказал Корвус. — Мы готовы.

— Тогда свободны, — Горский махнул рукой. — И вы-

спитесь. В деле нужна ясная голова.

Они вышли в коридор. Матвей шёл, не разбирая дороги, чувствуя, как внутри всё клокочет.

— Ты что творишь? — спросил Корвус, когда они отошли подальше от конференц-зала. — Спорить с Горским при всех?

— А что мне было делать? Молчать, когда они собираются убить невинного?

— Невинного? — Корвус остановился. — Ты слышал, что сказали аналитики? Если Эхо схлопнется, погибнет весь город. Тысячи людей. Ты готов рисковать ими ради одного?

— А если есть способ спасти его? — Матвей тоже остановился, повернулся к наставнику. — Если найдём стабилизатор?

Корвус смотрел на него своим долгим взглядом. Потом усмехнулся.

— Ты не исправим, стажёр, — сказал он. — Ладно. Будем искать способ. Но если не найдём — придётся выполнять приказ. Понял?

— Понял, — кивнул Матвей.

Они пошли дальше. В голове Матвея уже созрел план. Надо изучить материалы про Эхо, найти старые дела, может, там есть информация о способах изоляции. Корвус говорил, что такие попытки были. Значит, есть шанс.

Кабинет Корвуса встретил их привычным полумраком и

запахом старой бумаги. Матвей опустил на стул с пружинами, чувствуя, как усталость наваливается с новой силой, но спать уже не хотелось. В голове крутилось лицо кузнеца с фотографии — доброе, открытое, с лёгкой улыбкой человека, который не знает, что он — ошибка времени. Корвус подошёл к шкафу, достал бутылку, налил себе и Матвею. На этот раз Матвей не отказался. Виски обжёг горло, но это было даже приятно — хоть какое-то ощущение, кроме пустоты внутри.

— Что такое Эхо? — спросил Матвей, ставя пустой стакан на стол. — Я слышал этот термин в Академии, но там говорили как-то уклончиво. «Временная аномалия», «объект, подлежащий ликвидации». Никто не объяснял подробно. Мы все знаем что это, но не понимаем полностью.

Корвус сел в своё кресло, откинулся на спинку, закинул ноги на стол. Он смотрел куда-то в потолок, собираясь с мыслями, и Матвей понимал: сейчас будет не лекция из учебника, а то, что Корвус узнал на собственном опыте.

— Эхо, — начал он медленно, — это временная копия человека. Возникает при сбое хроно-перехода. Представь, что ты прыгаешь в прошлое, но что-то идёт не так. Капсула даёт сбой, твоё сознание раздваивается, и в точке прибытия появляются две версии тебя. Одна — настоящая, которая помнит прыжок, знает, кто она. А вторая — копия. Она не помнит ничего из прошлой жизни, у неё нет воспоминаний о будущем. Она просто... появляется. Как будто родилась заново.

— И она считает себя реальной? — спросил Матвей.

— Абсолютно, — кивнул Корвус. — У неё есть тело, есть сознание и чувства. Она может жить годами, десятилетиями, даже веками, если никто не тронет. Она может работать, любить, растить детей. Для неё нет никакой разницы между собой и настоящим человеком. Потому что она — и есть человек. Просто... ненастоящий.

— Но как это возможно? — Матвей покачал головой. — Если у неё нет оригинальной временной линии, откуда у неё тело? Откуда дети?

Корвус криво усмехнулся.

— Это сложная хроно-физика. Простыми словами: Эхо — это слепок. Слепок сознания, слепок тела и самой жизни жизни. Оно не имеет собственной временной линии, оно существует за счёт того, что питается временем вокруг себя. Как паразит, только неопасный. Пока оно одно, всё стабильно. Но если оригинал, с которого сделан слепок, появляется рядом, возникает резонанс. Две одинаковые временные линии начинают притягиваться, и чем ближе они друг к другу, тем сильнее искажение. В какой-то момент это приводит к коллапсу.

— Коллапсу?

— Временной взрыв. Исчезает не только Эхо и оригинал. Исчезает всё, что рядом. Город, округа, иногда целая страна. Всё, что попало в зону резонанса, просто... стирается. Как не бывало. — Корвус помолчал. — Поэтому Инквизиция такие

аномалии ликвидирует. Не потому что жестокие. А потому что цена ошибки слишком высока.

Матвей слушал, и внутри у него всё холодело. Он вспомнил слова Горского: «Если Эхо схлопнется, погибнет весь город». Не просто один человек, а тысячи. И это не запугивание — это реальность, с которой Инквизиция сталкивалась не раз.

— А если оригинал мёртв? — спросил он. — Если человека, с которого сделана копия, уже нет? Тогда и встреча невозможна.

— Теоретически да, — кивнул Корвус. — Если оригинал уничтожен, Эхо может существовать бесконечно. Но есть нюанс. Даже без оригинала Эхо остаётся аномалией. Оно нестабильно, потому что у него нет собственного временного якоря. Рано или поздно оно начнёт деградировать. Процесс может занять годы, десятилетия, но он неизбежен. И когда деградация достигнет критической точки, коллапс случится всё равно. Может, не такой мощный, как при встрече с оригиналом, но достаточно, чтобы уничтожить всё в радиусе нескольких километров.

— Значит, спасти его нельзя? — Матвей чувствовал, как надежда тает. — Всё равно придётся убить?

Корвус снял ноги со стола, подался вперёд, опираясь локтями на колени. Протез загудел громче.

— Спасти можно, — сказал он. — Есть способ. Нужно закрепить Эхо в его временной точке, дать ему искусствен-

ный якорь. Технология называется «Темпоральный якорь». Это кристалл, который фиксирует временную линию, не давая ей распасться. Если такой якорь установить, Эхо может жить вечно. Без риска коллапса.

— И что мешает?

— Во-первых, якорей мало. Очень мало. Они сделаны в единичных экземплярах, хранятся в музее Инквизиции, и достать их можно только по спецразрешению. Во-вторых, процедура сложная. Нужно, чтобы сам носитель прикоснулся к кристаллу, не зная, что это. Иначе якорь не сработает. А в-третьих... — Корвус помолчал. — В-третьих, начальству плевать на такие тонкости. Им проще отдать приказ на ликвидацию, чем возиться с якорем, разрешениями и рисками.

Матвей сжал кулаки. Он представил кузнеца Пьера, который не знает, что он — копия. У него семья, дети, работа. Он счастлив. И кто-то уже решил, что он должен умереть. Просто потому, что так проще.

— Мы попросим разрешение, — сказал он. — Вы — легенда, вас слушают.

Корвус невесело усмехнулся.

— Легенда, — повторил он. — Знаешь, что делают с легендами, которые начинают задавать лишние вопросы? Их отправляют в архив. Или в отставку. Или даже в могилу. Я уже стар для геройства, стажёр.

— Но вы же не сдадитесь? — Матвей посмотрел ему прямо в глаза. — Не сейчас. Не после всего, что мы прошли.

Корвус долго смотрел на него, потом покачал головой.

— Ты прав, — сказал он. — Не сдамся. Будем пробовать.

Но если не получится... — Он взял со стола пустой стакан, повертел в руках. — Если не получится, придётся делать, как приказано. И ты должен быть готов к этому.

Матвей молчал. Он не был готов. Не мог быть готов убить человека, который не сделал ничего плохого. Но он понимал логику Корвуса, понимал логику Инквизиции.

— Как мы будем действовать? — спросил он.

— Сначала изучим всё, что есть в архивах про Эхо. Посмотрим, были ли случаи успешной изоляции. Может, найдём способ достать якорь. А потом — прыгнем в Сент-Эмильон. Посмотрим на нашего кузнеца, поймём, что он за человек. И будем решать.

— А если начальство узнает?

— Не узнает, — отрезал Корвус. — Мы напишем рапорт, что задание выполнено. Эхо ликвидировано. А сами спрячем его где-нибудь в нейтральном времени, если сможем. Но это крайний вариант. Рискованный.

Матвей кивнул. Он понимал, на что они идут. Это снова нарушение приказа, снова риск быть пойманными, снова угроза трибунала. Но иначе он не мог.

— Когда выступаем? — спросил он.

— У тебя есть время подготовиться, изучить материалы, отдохнуть. Утром пойдём в архив. А сейчас — спать.

Корвус встал, подошёл к окну, отдернул штору. За окном

уже вставало солнце, окрашивая небо в розово-золотые тона.

— Иди, — сказал он. — Я ещё поработаю.

Матвей вышел в коридор и пошёл к своей комнате. В голове крутились новые знания об Эхо. Копии людей, которые не знают, что они — призраки. Которые живут, любят, радуются. И которых убивают, чтобы спасти других. Это было жестоко. Это было несправедливо. Но это было реальностью, с которой Инквизиция жила десятилетиями.

Он думал о Пьере, кузнеце из Сент-Эмильона. О его жене, о детях. О том, что они все — иллюзия, которая может исчезнуть в любой момент. И о том, что он, Матвей, должен будет сделать выбор: спасти одного или пожертвовать им ради тысяч.

— Я найду способ, — прошептал он, заходя в комнату. — Обязательно найду.

2

2

Утро встретило Матвея серым небом за окном и противным звоном будильника, который он ставил вчера в каком-то исступлении. Два часа сна — это было всё, что он себе позволил. Организм вопил, требуя ещё, но в голове уже включился механизм, который гнал его вперёд. Он вскочил, натянул форму, наскоро умылся и вышел в коридор.

Корвус ждал у двери его комнаты, прислонившись к стене,

с флягой в руке. Увидев Матвея, спрятал её во внутренний карман и кивнул в сторону лестницы.

— Идём. Зацепя уже заждался.

— С чего вы взяли? — спросил Матвей, шагая следом.

— Я ему позвонил. Сказал, что нам нужен полный набор для прыжка в четырнадцатый век. Он обрадовался — полгода никто не брал нормального оружия, только учебку.

— А что, без нас скучают? — усмехнулся Матвей, хотя настроения веселиться не было.

— Скучают, — серьёзно ответил Корвус. — Наша контора, она как пожарная команда. Когда всё тихо — все спят. Когда пожар — все бегут. А мы с тобой, стажёр, ходим по самым горящим местам. Так что нас тут любят. Или ненавидят. По-разному.

Они спустились в боевой сектор, прошли мимо капсул, которые готовили к другим прыжкам — где-то в глубине зала мелькнула знакомая фигура Петровича, копошащегося под «Вороной». Матвей хотел поздороваться, но Корвус свернул в оружейную, и он поспешил за ним.

Оружейная была местом, которое Матвей уже знал наизусть. Стеллажи с оружием всех эпох, ящики с боеприпасами, стенды с бронежилетами и скафандрами. За прилавком, как всегда, сидел старый оружейник, сухой, морщинистый, с вечной отвёрткой в руке. Увидев вошедших, он отложил инструмент и снял очки.

— А, голуби прилетели, — сказал он, растягивая губы в

щербатой улыбке. — Слышал, с Луны вернулись? Говорят, там всё пусто было.

— Пусто, — кивнул Корвус. — Как в твоей голове после обеда.

— А ты не ёрничай, — хмыкнул Зацепа. — Лучше скажи, чего надо. Опять в Средневековье? Говорят, там у вас какая-то заварушка.

— Заварушка не у нас, — поправил Корвус. — У них. Мы просто гости.

— Гости с клинками, — хмыкнул Зацепа. — Ладно, держи.

Он полез под прилавок и начал выкладывать снаряжение: темпоральные клинки (два, стандартных), замедляющие гранаты (четыре), световые (две), хроноскоп, портативный сканер, аптечку, пару жетонов.

— Жетоны новые, — пояснил он, пододвигая металлические пластинки. — С вашими старыми лучше не светиться. Там уже дырок понаделали. А эти — чистые. Ни одного прыжка. Как новенькие.

Матвей взял клинки, проверил баланс, привычно крутанул в руке. Оружие было идеальным — острым, лёгким, готовым к бою. Он сунул один в ножны на поясе, второй — в рюкзак, как запасной. Гранаты разложил по карманам, сканер повесил на шею.

— Всё? — спросил он.

— Погоди, — Зацепа зашарил под прилавком. — Есть тут

одна штука. Не знаю, пригодится ли, но возьмите на всякий случай.

Он вытащил небольшой прибор, похожий на плоскую коробочку с кнопкой и мигающим огоньком.

— Это что? — спросил Матвей.

— Стабилизатор временной линии. Старая модель, ещё с девяностых годов. Включаешь — и всё, что в радиусе десяти метров, замораживается в своём времени. Ни вперёд, ни назад. Можно использовать для захвата живых целей, чтобы не сопротивлялись. — Зацепа почесал затылок. — Только он капризный. Может, работает. Может, нет.

Матвей протянул руку, чтобы взять прибор, но Корвус опередил.

— Не надо, — сказал он, отодвигая стабилизатор. — Не пригодится.

— Почему? — Матвей уставился на него.

— Потому что мы не будем брать живьём, — ответил Корвус, не глядя на него. — Нам это не нужно.

— Но если есть шанс...

— Шанса нет, — оборвал Корвус. — Эхо нельзя взять живьём. Оно не может существовать в нашей реальности. Ты хочешь притащить его в штаб, чтобы оно дестабилизировалось здесь? Или думаешь, его можно будет допросить, как контрабандиста?

Матвей молчал. Он знал, что Корвус прав. Эхо — не преступник и не контрабандист. Это ошибка времени. Его нель-

зя посадить в камеру, нельзя отправить в глубокую изоляцию. Единственное, что можно сделать — ликвидировать. Или изолировать в нейтральном времени, но для этого нужен якорь, которого у них нет.

— Возьми, — сказал Зацепя, протягивая прибор. — На всякий случай. Может, пригодится для другой цели. Я не спрашиваю.

Матвей взял стабилизатор, сунул в карман. Корвус не стал возражать.

— Ладно, — сказал он. — Спасибо, Зацепя. Как всегда, ты лучший.

— А то, — усмехнулся старый оружейник. — Вы там поосторожнее. Я слышал, в том городке беспокойно. Англичане лезут, французы обороняются. Война, одним словом.

— Мы не на войну, — ответил Корвус. — Мы на работу. Они вышли из оружейной и направились в раздевалку. Матвей молчал, перебирая в голове аргументы. Ему нужен был план. Способ. Хоть что-то, что позволит не убивать.

В раздевалке было пусто. Корвус сел на скамью, достал флягу, сделал глоток. Матвей открыл свой рюкзак и начал раскладывать снаряжение, но мысли его были далеко.

— Ты думаешь, я жестокий? — спросил Корвус, глядя на него.

Матвей поднял голову.

— Я думаю, вы сдались раньше, чем попробовали.

— Не сдался, — покачал головой Корвус. — Просто знаю,

что такое Эхо. И знаю, что с ними делать. Это не люди, Матвей. Они — тени. Очень правдоподобные, очень живые, но тени. У них нет будущего. Их дети исчезнут, когда они исчезнут. Их дома, их вещи, их следы — всё станет пылью. Если мы оставим это Эхо в покое, оно через несколько лет начнёт деградировать, и тогда погибнут сотни. А может, тысячи.

— Но у нас есть время, — возразил Матвей. — Мы можем найти якорь. Мы можем...

— Мы можем попытаться, — перебил Корвус. — Но не сегодня. Сначала мы должны посмотреть на него. Увидеть своими глазами. Понять, кто он и чего хочет. А потом решать.

Матвей кивнул, хотя внутри всё ещё клокотало. Он открыл планшет, который ему дали аналитики, и начал листать файлы.

Пьер Дюваль. 47 лет. Женат на Мари, 45 лет. Трое детей: Жан, 20 лет, кузнец, помогает отцу; Пьер-младший, 15 лет, учится на священника; Жанна, 12 лет, помогает матери по хозяйству. Живут в собственном доме на улице Кузнечной. Имеют кузницу, которую унаследовали от предыдущего мастера. Уважаемы в городе. Добрые, отзывчивые, помогают соседям. Никогда не болели серьёзно. Дети здоровы. Жена здорова.

Матвей читал эти строки и не мог поверить, что они описывают призрака. Семья. Дом. Работа. Уважение соседей. Всё, что делает человека человеком. И всё это должно исчез-

нуть, потому что кто-то в Инквизиции решил, что так безопаснее.

— Они настоящие, — сказал он вслух. — Они живут, дышат, любят. Как они могут быть ненастоящими?

Корвус подошёл, взял планшет, пробежал глазами.

— Они настоящие, — согласился он. — Для этого времени. Для этого места. Для этих людей. Но для времени в целом — они ошибка. Рано или поздно система исправит эту ошибку. Вопрос только в том, сколько людей погибнет при исправлении.

— А если мы дадим им уйти? — Матвей поднял глаза. — В нейтральное время. Туда, где нет временных потоков. Они будут жить там вечно. Никто не пострадает.

Корвус посмотрел на него. Потом вернул планшет.

— Ты говоришь о семье. О четырёх людях. А если они не захотят уходить? Если Пьер не поверит, что он — копия? Если он откажется бросать дом, работу, друзей? Что тогда? Ты будешь уговаривать его? Заставишь? Или убьёшь прямо там?

Матвей не знал ответа. Он молчал, сжимая планшет.

— Вот, — сказал Корвус. — Потому я и говорю: сначала смотрим. Потом решаем. А сейчас — готовься. Выспись, поешь, приведи себя в порядок. В Средневековье нам понадобятся все силы.

Он вышел из раздевалки, оставив Матвея одного с файлами и мыслями. Матвей сидел, глядя на фотографию Пье-

ра. Человек на снимке смотрел на него с лёгкой улыбкой. Он не знал, что его хотят убить. Не знал, что он — ошибка. Не знал, что его жена, дети, дом — всё это может исчезнуть в любой момент.

Кабинет Корвуса к вечеру превратился в филиал штаба полевого отдела. На столе, среди привычных стопок дел и пустых бутылок, появилась карта Сент-Эмильона — старая, пожелтевшая, с пометками аналитиков. Рядом лежали схемы улиц и зарисовки домов. На отдельном листе — портрет Пьера Дюваля, увеличенный и чёткий, смотревший прямо в душу.

Матвей сидел на стуле с пружинами и пытался сосредоточиться, но мысли разбегались. Он смотрел на карту, на отмеченный красным кружком дом кузнеца, и думал о том, что завтра или послезавтра они войдут в этот дом. Или не войдут. Может быть, удастся уговорить Корвуса на другой план. Может быть, найдётся время для поисков якоря. Может быть...

— Слушай сюда, — голос Корвуса прозвучал жёстко, без обычной ворчливой нотки. — Время на сантименты кончилось.

Матвей поднял голову. Корвус стоял у стола, опираясь на протез, и смотрел на него в упор. Лицо его было спокойным, даже равнодушным, но Матвей знал, что это маска. Под ней скрывалась усталость и раздражение.

— Задача простая, — продолжал Корвус, водя пальцем по карте. — Прыгаем в Сент-Эмильон, 1347 год. Выходим здесь, на окраине, у старых складов. Место глухое, днём там никого, можно спокойно переодеться и осмотреться.

— Переодеться? — переспросил Матвей.

— А ты думал, в форме инквизитора по Средневековую ходить будешь? — усмехнулся Корвус. — Нас же сразу на костёр отправят. Нет, стажёр. Мы будем торговцами. Шерсть, вино, железо — что там в этом городке ценят. Я уже подготовил легенду.

Он достал из-под стопки бумаг два пергамента — настоящие, с восковыми печатями.

— Вот. Купеческие грамоты. Подделка высшего качества, наши ребята из аналитики постарались. Нас будут звать кузен Пьер и кузен Жак. Приехали из Пуатье, ищем поставщиков железа. С этой легендой можно спокойно ходить по городу, заходить в кузницы, разговаривать с людьми. Никто не заподозрит.

Матвей взял грамоту, повертел в руках. Бумага была плотной, старой, пахла воском и ладаном. Всё выглядело убедительно.

— А дальше? — спросил он. — Мы просто войдём в кузницу и...

— И нанесём удар, — закончил Корвус. — Быстро, чисто, без лишних свидетелей. Эхо не сопротивляется. Оно даже не знает, что оно Эхо. Для него мы — просто торговцы, которые

зашли поговорить. Оно не почувствует опасности, не попытается бежать, не будет драться. Это не бой, стажёр. Это... казнь.

Слово повисло в воздухе. Матвей почувствовал, как внутри всё сжимается. Казнь. Не убийство в бою, не самооборона — именно казнь. Расчётливая и безжалостная. И он должен будет в ней участвовать.

— А если он будет с семьёй? — спросил Матвей. — Если дети рядом? Если жена?

— Значит, подождём, — ответил Корвус. — Выследим, когда он будет один. Ночью, например. Или когда пойдёт в лес за углём. У нас есть время. Мы не спешим.

— Есть время? — Матвей почувствовал, как в голосе проскальзывают нотки надежды. — Значит, у нас есть время, чтобы найти другой способ?

Корвус вздохнул, отодвинул карту и сел напротив.

— Технически, — сказал он медленно, — можно попытаться изолировать Эхо. Переместить в нейтральное время, где нет временных потоков, и оставить там. Без риска коллапса. Теоретически.

— А практически? — Матвей подался вперёд.

— Практически — нужно разрешение начальства, которого мы не получим. Нужен Темпоральный якорь, который нам не дадут. Нужно время, которого у нас нет. — Корвус покачал головой. — Аналитики сказали: аномалия нестабильна. С каждым днём риск коллапса растёт. Мы не знаем, ко-

гда начнётся деградация — через неделю, через месяц или через год. Но мы знаем, что она начнётся. И если мы опоздаем, погибнет город. Тысячи людей. Ты готов взять на себя такую ответственность?

Матвей молчал. Он понимал, что Корвус прав. Понимал головой. Но сердце отказывалось принимать эту правду.

— А если мы успеем? — спросил он. — Если мы найдём якорь, если уговорим начальство?

— Если бы у нас было полгода, — сказал Корвус. — Если бы аномалия была стабильна. Если бы начальство нас любило. Но у нас есть два дня. И приказ, подписанный Хранителем.

Он встал, подошёл к окну. За стеклом уже темнело, последние лучи солнца угасали за скалами. Корвус стоял, глядя на этот закат, и казался очень старым.

— Я не хочу его убивать, — сказал он тихо. — Но я не хочу, чтобы из-за него погибли другие. Понимаешь? Это выбор. Всегда выбор. И никогда — правильный.

Матвей смотрел на его согбенную спину, на протез, который тускло поблёскивал в сумерках, и чувствовал, как внутри закипает решимость.

— Мы не будем его убивать, — сказал он твёрдо.

Корвус обернулся.

— Это ты уже говорил. В Чикаго говорил. В Авиньоне говорил. Говорил и в Сталинграде. И каждый раз у нас получалось. Но не в этот раз, Матвей.

— Почему?

— Потому что в этот раз ставки выше. Потому что мы не можем рисковать. Потому что...

— Потому что вы боитесь, — перебил Матвей. — Вы боитесь, что он окажется настоящим. Что у него будут голос, семья. Что вы увидите в нём человека, а не ошибку времени. И тогда вам придётся выбирать.

Корвус замер. Протез загудел громче, пальцы сжались в кулак.

— Ты многого набрался, стажёр, — сказал он глухо. — Слишком многого.

— Вы меня научили, — ответил Матвей. — Вы сами говорили, что всегда есть другой путь. Что нельзя сдаваться. Что время — это не справедливость, но мы можем сделать его чуть лучше.

Капсула «Ворона» гудела, наполняясь энергией для прыжка. Техники сновали вокруг, проверяя системы, затягивая болты, вводя координаты. Петрович, как всегда, копошился под днищем и, как всегда, матерился.

Матвей сидел в своём кресле, пристёгнутый ремнями, и смотрел на приборы. Корвус рядом вводил последние координаты, пальцы порхали над клавиатурой. Лицо у него было спокойное, почти скучающее. Как будто они собирались не в Средневековье убивать человека, а на прогулку в парк.

— Координаты введены, — объявил Корвус. — Стабили-

заторы на семьдесят восемь процентов. Для прыжка в четырнадцатый век — норма.

— Норма, — проворчал Петрович из-под капсулы. — Вот когда он упадёт до пятидесяти, тогда и поговорим. А пока — летите.

Он выбрался наружу, отряхнул колени и заглянул в открытый люк.

— Вы там поосторожнее, — сказал он. — Средневековье — время тёмное. Народ тёмный. Чужих не любят.

— Мы не чужие, — усмехнулся Корвус. — Мы купцы. У нас грамоты.

— Грамоты, — хмыкнул Петрович. — Ладно, бывайте.

Он захлопнул люк, и Матвей услышал, как закрутились запоры. Тишина. Только гул систем и дыхание двоих людей.

— Ну, — сказал Корвус, откидываясь на спинку. — Последние минуты перед прыжком. Есть что сказать?

Матвей молчал. Он знал, что должен что-то сказать. Должен попытаться ещё раз. Но слова застревали в горле. Он смотрел на приборы, на мигающие огоньки, на свои руки, лежащие на коленях. Потом поднял глаза.

— Он человек, — сказал он. — У него семья. Дети.

Корвус не ответил. Только смотрел на него, и в глазах его не было ни злости, ни усталости. Было что-то другое. Понимание или сожаление? Или просто пустота, которую Матвей никак не мог научиться читать.

— Вы слышали? — Матвей повысил голос. — У него есть

жена, дети. Они живут в своём доме, он работает, они ужинают вместе, смеются, ссорятся, мирятся. Он учит старшего сына кузнечному делу. Младший хочет стать священником. Дочка помогает матери по хозяйству. Они настоящие. Они живые.

— Они фантомы, — тихо сказал Корвус.

— Нет! — Матвей рванулся в кресле, ремни впились в плечи. — Они живые! Они дышат, чувствуют, любят. Они не знают, что они — ошибка. Для них этот мир — настоящий. Их дети — настоящие. Их дом — настоящий.

— А когда схлопнется парадокс, — голос Корвуса стал жёстче, — они исчезнут. Все. И жена, и дети, и дом, и кузница, и улица, на которой они живут. И весь город. Тысячи людей, которые не виноваты ни в чём. Они исчезнут, потому что мы пожалели одного.

Матвей замолчал. Он знал это. Знал с самого начала. Но слышать эти слова от Корвуса было больше, чем думать о них самому.

— И что нам делать? — спросил он. — Прийти и убить его? Как собаку? Как больного зверя?

— Как человека, — поправил Корвус. — Быстро. Чисто и без боли.

— Без боли? — Матвей усмехнулся. — Вы когда-нибудь убивали человека, который не сопротивляется?

Корвус посмотрел на него. Потом отвернулся к приборам.

— Да, — сказал он. — И не раз. И каждый раз думал, что

мог бы сделать иначе. Но каждый раз понимал, что иначе — нельзя.

— Нельзя, — повторил Матвей. — Это слово вы используете, когда не хотите искать другие пути.

— Другие пути, — Корвус повернулся к нему, и в голосе его зазвучала сталь. — Ты предлагаешь рискнуть тысячами жизней ради одного человека, который, может быть, даже не захочет, чтобы его спасали? Который, может, предпочтёт умереть здесь, в своём времени, рядом с семьёй, чем жить вечно в пустыне, где никого нет?

— А если он захочет? — не сдавался Матвей. — Если он согласится уйти? Если мы найдём якорь?

— Если, если, если, — Корвус покачал головой. — Ты живёшь в мире «если», стажёр. А я живу в мире «надо». Надо выполнить приказ. Надо спасти город. Надо.

— Надо не убивать невинных, — тихо сказал Матвей.

Тишина повисла в капсуле. Гул систем казался теперь оглушительным. Матвей думал о Пьере, о его семье, о том, что через несколько часов они войдут в его дом. Может быть, удастся уговорить Корвуса подождать. Может быть, найдётся другой путь.

— Знаешь, — сказал Корвус, нарушая тишину, — когда я был молодым, я тоже спорил. Также искал другие пути. Также думал, что можно спасти всех. А потом понял: нельзя. Нельзя спасти всех. Нельзя сделать всех счастливыми. Нельзя жить без потерь.

— И что? — спросил Матвей. — Вы сдались?

— Я вырос, — ответил Корвус. — И ты вырастешь.

Матвей посмотрел на него. В глазах наставника он увидел ту самую пустоту, которую так боялся. Пустоту человека, который слишком много раз выбирал между плохим и очень плохим. Который слишком много раз убивал, чтобы спасти. Который слишком много раз терял.

— Не хочу, — сказал он. — Не хочу становиться таким.

— Станешь, — усмехнулся Корвус. — Или умрёшь. Третьего не дано.

Он нажал кнопку запуска. Капсула загудела громче, за стеклом иллюминатора поползла серая дымка. Холод начал забираться под одежду, но Матвей его почти не чувствовал.

— Слушай, — сказал он, когда гул стал почти невыносимым. — Если мы увидим, что он настоящий. Если увидим, что он не просто ошибка, а человек. Человек, который заслуживает жизни. Мы попробуем его спасти?

Корвус не ответил. Он смотрел на приборы, на координаты, на мигающие огоньки. Потом перевёл взгляд на Матвея.

— Если увидим, — сказал он. — Если будет время. Если найдём способ. — Он вздохнул. — Тогда попробуем.

Матвей почувствовал, как внутри зажглась искра. Слабая, почти невидимая, но живая.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответил Корвус. — Держись.

Мир дёрнулся и исчез в серой дымке. Последнее, что уви-

дел Матвей перед прыжком, было лицо Корвуса — спокойное и усталое.

Серый туман сгустился, превратив мир в однородную, безликую муть. Матвей закрыл глаза, как делал всегда, хотя давно уже понял, что это не спасает. Выворачивание пришло мгновенно — знакомое, почти родное ощущение, когда тело перестаёт существовать как единое целое, рассыпаясь на молекулы, на атомы, на что-то ещё более мелкое, чтобы собраться заново в другой точке времени. Он уже не кричал. Не блевал в шлем. Просто терпел, сжав зубы и считая про себя. Раз, два, три, четыре...

Холод обжёг лицо, когда серая пелена рассеялась, и Матвей открыл глаза. Они стояли на окраине средневекового города.

Матвей ожидал увидеть что-то мрачное — чёрные стены, грязные улицы, нищих и калек. Так показывали Средневековье в учебниках и фильмах: вечные сумерки, запах гниения, люди в лохмотьях, мечущиеся между чумными бараками. Но здесь было по-другому. Здесь было ярко.

Солнце стояло высоко, заливая всё вокруг золотистым светом. Небо было синим-синим, без единого облачка, таким чистым, каким оно бывает только в местах, где ещё нет заводов и машин. Внизу, под холмом, на котором они стояли, раскинулся город. Небольшой, уютный, окружённый невысокой крепостной стеной из светлого камня. Черепичные

крыши домов горели красным и оранжевым, из труб поднимался лёгкий дымок. Над всем этим возвышалась колокольня церкви, шпиль которой упирался в небо, как игла.

— Ничего себе, — выдохнул Матвей. — Я думал, будет хуже.

— Война ещё не добралась сюда, — ответил Корвус, стоя рядом. Он уже стянул шлем скафандра и теперь оглядывался, прищурившись от солнца. — Аквитания пока тихая. Англичане далеко, французы заняты своими делами. Здесь люди живут обычной жизнью. Работают, женятся, рожают детей. И не знают, что через пару лет начнётся чума.

— Чума уже в Европе, — напомнил Матвей.

— Но сюда дойдёт позже. У них ещё есть время.

Они спустились с холма по узкой тропе, петлявшей между виноградниками. Лозы были низкими, корявыми, но уже отягощёнными гроздьями тёмного винограда. Где-то вдалеке работали люди — согнутые спины, широкополые шляпы, грубые рубахи. Кто-то пел, и песня плыла над полями, грустная и тягучая.

— Оденемся, — сказал Корвус, останавливаясь у старого сарая, прилепившегося к городской стене. — В этом нас быстро вычислят.

Они сняли защитные костюмы, спрятали в специальные контейнеры, которые Корвус закопал под камнями. Сверху накинули простую одежду — грубые штаны, холщовые рубахи, кожаные куртки. На головы — шерстяные колпаки, ка-

кие носили ремесленники. Корвус прицепил к поясу кошель с монетами, Матвей — небольшой нож, больше для вида, чем для дела.

— Не отставай, — сказал Корвус, направляясь к городским воротам. — И смотри в оба. Если что пойдёт не так — молчи и делай, что я скажу.

Ворота были открыты. У входа стоял стражник в потрёпанной кольчуге, с копьём в руке, но смотрел он на входящих без особого интереса. Торговцы с телегами, крестьяне с корзинами, женщины с детьми — все проходили свободно. Корвус кивнул стражнику, показал грамоту, и тот махнул рукой: проходи.

Главная улица Сент-Эмильона оказалась широкой, вымощенной неровным камнем, который местами проваливался, образуя лужи. По обе стороны тянулись дома — тесно прижатые друг к другу, с остроконечными крышами и маленькими окошками. Первые этажи были заняты лавками и мастерскими. Здесь пахло хлебом — из пекарни, где огромная печь изрыгала жар и пар. Здесь пахло рыбой — с лотка, где бородатый торговец выкрикивал цены. Здесь пахло кожей, воском, мёдом, дымом, навозом и ещё сотней запахов, которые невозможно было разобрать по отдельности.

Люди. Их было много. Они шли, бежали, сидели на крыльце, перекрикивались через улицу. Женщины в длинных платьях, с корзинами на головах. Мужчины в грубых куртках, с инструментами в руках. Дети — везде дети. Они носились

между ног прохожих, гоняли тряпичный мяч, кричали, смеялись. Огромный пёс, ленивый и лохматый, лежал прямо посередине улицы, и никто его не трогал.

Матвей шёл, вертя головой, и чувствовал себя так, будто попал в музей, где все экспонаты вдруг ожили. Всё было настоящим — до дрожи. Камни под ногами, нагретые солнцем. Голоса, звонкие, незнакомые. Лица, которых он никогда не видел и никогда не увидит. И где-то среди этой суеты, среди этих домов и лавок, жил человек, которого они должны были убить.

Они вышли на главную площадь Сент-Эмильона, и Матвей на мгновение забыл, зачем они здесь. Площадь была небольшой, вымощенной крупным булыжником, который за столетия отполировался до блеска тысячами ног. В центре возвышался каменный крест на ступенчатом основании — место, где собирались горожане для молитв и объявлений. Вокруг теснились дома с черепичными крышами, чьи деревянные каркасы темнели от времени. Над всем этим возвышалась колокольня церкви, откуда время от времени доносился мерный звон, отсчитывающий часы.

И в самом центре этой картины, на главном перекрёстке, стояла кузница Пьера. Она была не такой, как представлял Матвей. Не мрачной, не закопчённой, не страшной. Наоборот — она казалась сердцем города, вокруг которого билась жизнь. Широкие ворота были распахнуты настежь, изнутри

доносился звон металла, смешанный с голосами и смехом. У входа стояла очередь: крестьяне с подковами, которые нужно подогнать, тележник с лопнувшей осью, какой-то воин в потёртом панцире, терпеливо ждущий своей очереди. Двое мальчишек крутились рядом, пытаясь заглянуть внутрь.

Сам кузнец был у наковальни. Матвей узнал его сразу, теперь он был не на фотографии, а живой, настоящий. Пьер стоял, широко расставив ноги, и держал под уздцы гнедую лошадь. Он был в кожаном фартуке, заляпанном сажей и прожжённом в нескольких местах, рубаха с засученными рукавами открывала мощные предплечья, перетянутые жилами. Лицо его покраснелось от жара, на лбу блестел пот, но он улыбался — открыто, добродушно, как человек, который любит свою работу и не жалуется на жизнь.

— Держи её крепче, Пьер! — крикнул кто-то из очереди.

— Сам держи, если такой умный! — ответил кузнец, и очередь засмеялась.

Лошадь фыркала, перебирала ногами, но Пьер уверенно держал её, приговаривая что-то ласковое. Потом, ловко подхватив копыто, закрепил его между колен и начал примерять подкову. Движения его были точными и привычными — столько лет он делал это, что каждое движение стало рефлексом. Молоток в его руке мелькал, удары были короткими, сильными, и каждый раз, когда металл соприкасался с металлом, летели искры, падая на каменный пол и гасли.

Рядом с кузницей возились дети. Двое мальчишек — стар-

ший, в таком же кожаном фартуке, как у отца, и помладше, в простой рубаше, перепачканной углём — таскали воду из колодца, помогали раздувать мехи, подавали инструменты. Младший, то и дело отвлекался, глазел на лошадь, пытался залезть в ящик с инструментами, и старший шлёпал его по затылку, что-то ворча. Девочка в длинном платье, перепачканном мукой, убежала из соседнего дома с кувшином воды и протянула отцу. Пьер взял кувшин, отпил, вернул, и девочка, улыбнувшись, убежала обратно. А из дома, что стоял рядом с кузницей, вышла женщина.

Она была невысокой, полноватой, в простом сером платье, голову покрывал белый платок, из-под которого выбивались русые волосы. Лицо её было усталым — она явно много работала по хозяйству, — но в глазах светилось что-то тёплое, когда она смотрела на мужа и детей. Она несла миску с водой, чтобы охладить раскалённое железо, и по пути остановилась, чтобы поправить мальчишке рубашу, выбившуюся из штанов.

— Мари! — крикнул Пьер, заметив её. — Как там обед?

— Будет готов, когда лошадь подкуёшь! — ответила она, и в голосе её слышалась улыбка.

Очередь снова засмеялась. Кто-то пошутил, что Пьер под началом жены ходит, как подкованная лошадь. Пьер отшутился, но видно было, что ему нравится это поддразнивание. Он любил свою жену. Это было видно по тому, как он посмотрел ей вслед, как улыбнулся, когда она скрылась в доме.

Матвей стоял в тени колонны у церкви и смотрел на эту картину. Смотрел, и рука его, лежащая на рукояти клинка, не поднималась. Не могла подняться.

— Это не иллюзия, — прошептал он. — Это жизнь.

— Эхо, — тихо ответил Корвус, стоящий рядом. — Это всегда жизнь. Самая настоящая. Для них.

— И что нам делать? — Матвей повернулся к наставнику. — Убить этого человека? Который работает, любит, растит детей? Который смеётся и шутит?

Корвус молчал. Он тоже смотрел на кузницу, на Пьера, на его семью, и лицо его было спокойным, только протез гудел чуть громче обычного.

— У него завтра день рождения, — сказал Корвус.

Матвей посмотрел на него.

— Откуда вы знаете?

— В файлах было. Завтра ему исполняется сорок восемь лет. Жена печёт пирог, дети готовят подарки. Старший вырезал из дерева фигурку лошади. Младший нарисовал углём картину на бересте. Девочка сплела пояс.

— Мы можем сделать так, чтобы не последний, — сказал Матвей. — Мы можем найти способ.

Корвус перевёл взгляд на кузницу, где Пьер уже подковывал вторую ногу лошади, а дети помогали, подавая гвозди и инструменты. Жена снова вышла на порог, вытирая руки о передник, и что-то крикнула старшему, чтобы тот не вертелся под ногами.

— Посмотрим, — сказал Корвус. — Сначала надо понять, кто он. Как он стал Эхо. И есть ли у него оригинал. Может, тот уже мёртв, и тогда...

— И тогда его можно будет оставить?

— И тогда его можно будет попытаться спасти. Если успе-
ем.

Матвей сжал кулаки. В груди разгорался огонь надежды. Надежды на то, что этот человек, этот кузнец, этот отец, этот муж сможет жить. Что его дети не исчезнут. Что его жена не потеряет мужа. Что они все останутся здесь, в этом солнечном городе, под этим синим небом, и будут жить своей обычной, счастливой жизнью.

— Мы успеем, — сказал он. — Должны успеть.

— Тогда пошли, — Корвус отлепился от стены. — Надо найти жильё, осмотреться, узнать, что здесь к чему. И главное — узнать, откуда взялся этот Пьер.

Они двинулись по площади, обходя стороной кузницу. Матвей шёл, стараясь не смотреть на детей, которые играли у порога, на жену, которая вышла снова, теперь уже с миской, полной свежеиспечённого хлеба.

3

3

Таверна «Усталый путник» стояла на углу главной площади и улицы Кузечной, в двух шагах от дома Пьера. Это была

неказистая постройка из тёмного камня, с низкими потолка-ми и узкими окнами, затянутыми бычьим пузырьём вместо стекла. Внутри пахло прокисшим вином, жареным мясом и дымом от очага, который гудел в углу, разгоня сырость. Хо-зяин, толстый краснолицый мужчина по имени Готье, встре-тил гостей с подозрением, но монеты, которые Корвус выло-жил на стол, быстро сменили подозрение на подобостраст-ную улыбку.

— Комната на втором этаже, — сказал Готье, пряча день-ги. — Окна выходят на площадь. Для торговцев лучше места не найти.

— Нам и нужно, — ответил Корвус, поднимаясь по скри-пучей лестнице.

Комната оказалась маленькой, почти каморкой, с двумя топчанами, застеленными соломой, и столом, на котором стояла глиняная кружка с водой. Зато окно выходило прямо на кузницу. Матвей подошёл к нему, выглянул. Отсюда было видно всё: и наковальню у входа, и горн, изредка выбрасы-вающий снопы искр, и самого Пьера, который всё ещё рабо-тал, несмотря на поздний час.

— Смотри, — сказал Корвус, устраиваясь на топчане. — Смотри и запоминай. Каждую деталь.

Матвей достал блокнот, раскрыл на чистой странице, при-готовил карандаш. Смотреть и запоминать. Искать повод усомниться в том, что этот человек — ошибка времени.

День тянулся медленно, как тягучий мёд. Пьер поднялся

затемно. Матвей видел, как в окне дома зажётся свет — тусклый, дрожащий, от масляной лампы. Потом кузнец вышел во двор, потянулся, оглядел небо. Солнце только начинало золотить крыши, а он уже был на ногах. Раздул мехи, разжёг горн, проверил инструмент. Всё делал неторопливо, со знанием дела, как человек, который знает каждый молоток, каждую подкову.

Первыми пришли крестьяне. Двое, с лошадьми. Пьер принялся за работу, и Матвей записывал: «6:45 — подковал первую лошадь. Разговаривает с хозяином, шутит. Хозяин смеётся». Потом прибежал сосед, старик с дырявым котлом. Пьер бросил кузнечное дело, взялся за паяльник, заделал дыру. Денег не взял. Матвей записал: «Помог соседу бесплатно. Отказался от платы».

К полудню в кузнице собралась очередь. Тележник с осью, крестьянка с цепью для колодца. Пьер работал, не поднимая головы, и пот катился с него градом. Матвей писал, не отрываясь: «10:15 — ось. 10:40 — панцирь. 11:20 — цепь». И всё это время он слышал голос кузнеца — он разговаривал с каждым, шутил, спрашивал о здоровье, о семье. Каждого знал по имени.

— Он знает их всех, — сказал Матвей, отрываясь от блокнота. — Всех, кто приходит. Спрашивает о детях, о родственниках.

— Естественно, — ответил Корвус, который тоже наблюдал из окна. — Он живёт здесь сорок лет. Для него это на-

стоящая жизнь.

— Но если он — копия, откуда у него эти воспоминания?

— Подсознание достраивает. Он помнит то, чего не было.

Как и все мы.

Матвей не ответил. Он снова взялся за карандаш. В обед из дома вышла жена, Мари. Она несла миску с похлёбкой и краюху хлеба. Пьер отложил молот, сел на пороге, и они поели вместе, переговариваясь. Матвей не слышал слов, но видел, как она поправила ему воротник, как он коснулся её руки. Это было так естественно, так обыденно, что у него защипало в глазах.

— Они любят друг друга, — сказал он.

— Да, — кивнул Корвус.

— Это может быть настоящим?

Корвус не ответил.

После обеда Пьер снова работал. Но теперь к нему пришли не только за делом. Пришла старуха, которая просила прибить отскочившую доску на крыше. Пьер закрыл кузницу, пошёл с ней, вернулся через час. Пришла девушка, у которой сломалась прялка. Пьер починил. Пришёл мальчишка с оторванным колесом от тележки. Пьер приладил колесо, потрепал мальчишку по голове.

— Он всем помогает, — сказал Матвей. — Каждому, кто просит.

— Это его жизнь, — ответил Корвус. — Его выбор.

— И вы хотите его убить?

Корвус промолчал.

К вечеру очередь закончилась. Пьер прибрал в кузнице, сложил инструмент, затушил горн. Из дома выбежали дети — старший, Жан, и младший, Пьер-младший. Они что-то кричали отцу, и он засмеялся, подхватил младшего на плечи, а старшего обнял. Девочка, Жанна, вынесла кувшин с водой и полотенце. Пьер умылся, вытер лицо, и они все вместе вошли в дом.

Стемнело. В окнах зажёгся свет. Матвей видел силуэты,двигающиеся за тонкими занавесками. Вот они сели за стол. Вот жена подала что-то — ужин. Вот дети засмеялись. Вот Пьер встал, подошёл к жене, обнял её.

— Они ужинают, — сказал Матвей. — Потом, наверное, будут ложиться спать. Завтра новый день.

— И так каждый день, — тихо сказал Корвус. — Сорок лет.

Матвей закрыл блокнот. За день он исписал десять страниц. И ни одной детали, которая доказывала бы, что этот человек — ненастоящий. Только работа, помощь и любовь. Только жизнь.

— Он настоящий, — сказал он. — Для этого города, для этих людей, для себя. Он настоящий.

— Для нас — ошибка, — ответил Корвус. — И это несправедливо. Но такова наша работа.

— Не может быть, чтобы работа требовала убивать невиновных, — возразил Матвей. — Не может быть, чтобы не

было другого выхода.

Корвус подошёл к окну, посмотрел на дом Пьера.

— Когда-то я думал так же, — сказал он. — Потом понял: всегда есть другой выход. Просто иногда он хуже, чем этот.

— А этот — хороший?

— Этот — быстрый. Иначе будет хуже.

Матвей сжал блокнот. В голове крутились слова, которые он не мог произнести. Он думал о том, что завтра они должны войти в этот дом. Должны подойти к человеку, который живёт, работает, любит. И убить его.

— Я не смогу, — сказал он.

Корвус повернулся к нему.

— Сможешь, — ответил он. — Если надо будет.

— А если не надо?

Корвус кивнул в сторону дома, где горел свет.

— Посмотрим, — сказал он. — Может, найдётся другой путь.

Ночь опустилась на Сент-Эмильон, как тяжёлое бархатное одеяло, придавившее город к земле. Звёзды высыпали на небо — яркие, крупные, такие, какими они бывают только в местах, где нет электричества и уличных фонарей. Луна ещё не взошла, и площадь перед кузницей утонула в густой, почти осязаемой темноте. Только в доме Пьера давно погас свет, и только в таверне «Усталый путник» в окне второго этажа горела масляная лампа, отбрасывая на стены дрожа-

щие тени.

Матвей сидел на топчане, сжимая в руках блокнот. Корвус стоял у окна, глядя на тёмный дом напротив. Старый инквизитор думал о чём-то своём, и Матвей не решался нарушить молчание.

Но молчание тяготило. Вопросы жгли изнутри, и рано или поздно они должны были вырваться наружу.

— Вы сказали, что дети Эхо не могут быть реальными, — начал Матвей, откладывая блокнот. — Почему?

Корвус не обернулся. Стоял, глядя в темноту, и его фигура казалась вырезанной из камня.

— Потому что у Эхо нет генетического материала, — ответил он. — Оно — копия. Слепок. У него нет ДНК в том смысле, в каком мы привыкли. Всё, что у него есть, — это память о том, кем он был. И подсознание, которое достраивает реальность вокруг.

— Достраивает? — Матвей подался вперёд. — Как это?

Корвус наконец повернулся.

— Представь, что ты смотришь на старую фотографию, — сказал он. — На ней есть люди, дома, деревья. Всё выглядит настоящим. Но если увеличить изображение, увидишь, что детали размыты. Что у людей нет лиц, только пятна. Что дом нарисован, а не построен. Что деревья — просто зелёные мазки.

— И что? — не понял Матвей.

— Эхо — такая же фотография, — ответил Корвус. —

Только объёмная. Оно выглядит живым, но если присмотреться, детали начинают расплываться. У него нет прошлого до момента появления. Нет настоящей родословной. Его дети — не результат зачатия, а проекция его собственного желания иметь семью. Его жена — не реальная женщина, а образ, который он когда-то видел или о котором мечтал. Всё, что его окружает, — это декорации, построенные его подсознанием.

— Но они ведут себя как настоящие! — Матвей вскочил, чувствуя, как внутри закипает протест. — Они плачут, смеются, болеют! Они любят, боятся и радуются! Как они могут быть ненастоящими?

Корвус подошёл к столу, взял кружку с водой, сделал глоток.

— Ты когда-нибудь видел сон, в котором всё было реальным? — спросил он. — Где ты чувствовал боль, радость или страх? Где люди говорили с тобой, обнимали тебя, предавали? А потом просыпался и понимал, что это был только сон. Что тех людей не существовало. Что их чувства, их слова, их поступки — всё это было порождением твоего собственного сознания.

Матвей замер. Он помнил свой сон — тот, где Корвус был молодым, где его родители смеялись за столом, где Куратор сидел во главе. Всё было так реально. Так живо. А потом он проснулся.

— Но это был сон, — сказал он. — А они — живые. Они

здесь.

— Для нас — да, — кивнул Корвус. — Для нас они — часть реальности. Но для времени они — ошибка. Как глюк в программе. Как лишний пиксель на картинке. Со временем система начнёт их отторгать.

— Деградация, — вспомнил Матвей.

— Именно. Сначала начнут болеть дети. Потом жена. Потом сам Пьер. Они будут стареть быстрее, чем положено. Или, наоборот, перестанут стареть совсем. А потом начнут исчезать. Сначала мелочи — предметы, дома, улицы. Потом люди. И в конце концов — всё, что связано с этим Эхо.

— А город? — тихо спросил Матвей.

— Город исчезнет, когда схлопнется парадокс. Если, конечно, не случится раньше.

Матвей сел на топчан, уронив голову на руки. Он думал о детях Пьера — о старшем, который помогал в кузнице, о младшем, который рисовал углём на бересте, о девочке, которая плела пояс отцу на день рождения. Они были живыми. Смеялись, бегали, спорили. Как они могли быть ненастоящими?

— А если оригинал мёртв? — спросил он, поднимая голову. — Если человека, с которого сделана копия, уже нет? Тогда встреча невозможна. И дети могут остаться.

Корвус покачал головой.

— Даже если оригинал мёртв, Эхо нестабильно. У него нет своего временного якоря. Оно существует за счёт того,

что питается временем вокруг. Это как паразит, который не может жить без хозяина. Рано или поздно оно начнёт разрушаться. И тогда погибнут все, кто был рядом.

— Но есть же якорь! — Матвей вскочил. — Вы сами говорили! Темпоральный якорь может зафиксировать его временную линию.

— Может, — согласился Корвус. — Если бы он у нас был. Если бы у нас было разрешение. Если бы начальство дало время.

— А если мы его достанем? — Матвей подошёл к окну, встал рядом с Корвусом. — Если мы найдём способ?

Корвус усмехнулся — криво, по-своему.

— Ты не исправим, стажёр, — сказал он. — Сколько раз я тебе говорил, что в нашей работе не бывает лёгких путей?

— Но бывают правильные, — ответил Матвей. — Вы сами учили меня искать другой путь.

Корвус молчал. Смотрел в окно, на тёмный дом напротив, на звёзды, которые медленно плыли по небу.

— Знаешь, — сказал он вдруг, — я ведь тоже когда-то верил, что можно спасти всех. Что каждая жизнь имеет значение. Что можно найти выход из любой ситуации. А потом...

Он не договорил. Просто махнул рукой и отошёл от окна.

— Потом я понял, что иногда выход — это убить одного, чтобы спасти сотни. Или тысячи. Или миллионы. И это — правильный выбор.

— Для вас — правильный, — возразил Матвей. — А для

меня — нет.

Корвус обернулся. В глазах не было злости, только усталость.

— Тогда тебе придётся тяжело, — сказал он. — Потому что завтра мы должны будем принять решение. Либо мы убиваем Пьера, либо рискуем всем городом.

— А если мы найдём якорь? — не сдавался Матвей.

— Где? — Корвус развёл руками. — В музее Инквизиции? Под охраной? С разрешением, которое нам не дадут?

— А если я украду? — тихо спросил Матвей.

Корвус замер. Потом покачал головой.

— Ты идиот, — сказал он. — Настоящий идиот. Но... —

Он вздохнул. — Ладно. Завтра с утра пойдём в архив. Посмотрим, что можно сделать. Но если ничего не выйдет...

— Если ничего не выйдет, я сам его убью, — твёрдо сказал Матвей. — Если другого выхода не будет.

Корвус смотрел на него, и в глазах мелькнуло уважение. Или сожаление.

— Спать ложись, — сказал он. — Завтра трудный день.

Матвей не спал. Он лежал на топчане, уставившись в потолок, где тени от масляной лампы плясали причудливый танец, складываясь то в лица, то в фигуры, то в нечто неразборчивое, пугающее. За окном было темно. Луна так и не вошла, и площадь перед кузницей утонула в густой, почти осязаемой черноте. Только в доме напротив, в маленьком окош-

ке на втором этаже, мерцал слабый огонёк — свеча. Кто-то там не спал. Может, Пьер. Может, жена. Может, один из детей, которому приснился страшный сон.

Матвей смотрел на этот огонёк и думал о том, что, возможно, завтра он погаснет. Навсегда.

— Не спится? — раздался голос Корвуса.

Матвей повернул голову. Корвус сидел на своём топчане, прислонившись спиной к стене, и держал в руке флягу. В слабом свете лампы его лицо казалось вырезанным из старого дерева. Только глаза блестели — живые, цепкие, ничего не упускающие.

— Не спится, — признался Матвей. — Думаю.

— О чём?

— О нём. О Пьере. О том, что мы должны сделать.

Корвус сделал глоток из фляги, протянул Матвею. Тот покачал головой.

— Как хочешь, — Корвус убрал флягу. — Думать — это хорошо. Главное, не передумать до того, как нужно будет действовать.

— Вы думаете, я не смогу? — Матвей сел на топчане, обхватив колени руками. — Если придётся?

— Сможешь, — ответил Корвус. — Ты сильный. Сильнее, чем думаешь. Иначе бы не выжил.

— Сильный, — горько усмехнулся Матвей. — Я чувствую себя слабым. Слабым и беспомощным. Как в Чикаго, когда я впервые взял в руки клинок.

— Это не слабость, — возразил Корвус. — Это человечность. Потеряешь её — станешь таким же, как они. Как те, кого мы убиваем.

— А вы? — Матвей повернулся к нему. — Вы её потеряли?

Корвус молчал долго. Так долго, что Матвей уже подумал, что он не ответит. Но потом старый инквизитор заговорил — тихо и медленно, будто вытаскивал слова из самой глубины души.

— Я не знаю, — сказал он. — Иногда кажется, что потерял. Иногда — что нет. А иногда... иногда мне кажется, что я никогда её не имел.

Матвей смотрел на него, и внутри у него всё сжималось. Он видел перед собой не легенду. Он видел человека, который слишком много раз выбирал между плохим и очень плохим. Который слишком много раз убивал, чтобы спасти. Который слишком много раз терял.

— Можно я спрошу? — тихо сказал Матвей.

— Спрашивай.

— Если бы это были вы. Если бы вы оказались на его месте. Что бы вы хотели?

Корвус замер. Фляга застыла в его руке, не донесённая до губ. Матвей ждал. Секунды тянулись, как часы. Свеча в доме напротив мигнула, будто кто-то вздохнул, и снова загорелась ровным пламенем.

— Я бы хотел, — сказал Корвус наконец, — чтобы меня

убили быстро. Не заставляя страдать.

Матвей почувствовал, как к горлу подступает комок.

— Даже если бы у вас была семья?

Корвус поднял на него глаза. В свете лампы они казались чёрными, бездонными.

— Особенно если бы у меня была семья, — ответил он.

— Чтобы они не видели, как я мучаюсь. Чтобы не знали, что я — ошибка. Чтобы запомнили меня таким, каким я был. Живым и настоящим.

— Но они бы тоже исчезли, — сказал Матвей. — Вместе с вами.

— Они бы исчезли, — кивнул Корвус. — Но они бы не знали, что исчезают. Для них это был бы просто сон. Который заканчивается.

— А если бы вы знали, что есть другой выход? Что кто-то может вас спасти?

Корвус усмехнулся.

— Другой выход, — повторил он. — Ты всё о нём. А что, если этот другой выход хуже смерти? Если для того, чтобы меня спасти, нужно рискнуть тысячами жизней? Если нужно нарушить приказ, пойти против начальства, украсть якорь, который потом может не сработать?

Матвей молчал. Он понимал, к чему клонит Корвус. И не мог найти слов, чтобы возразить.

— Я бы не хотел, — продолжал Корвус, — чтобы кто-то рисковал собой ради меня. Не хотел бы, чтобы моя жизнь

стоила чужих смертей. Не хотел бы, чтобы меня спасали, если это опасно для других.

— Но если бы вы могли выбрать? — не сдавался Матвей.

— Если бы всё зависело только от вас?

Корвус перевёл взгляд на окно, на дом напротив, где всё ещё горела свеча.

— Я бы выбрал умереть, — сказал он. — Быстро и без боли. Чтобы мои дети запомнили меня живым. Чтобы моя жена не видела, как я превращаюсь в ничто. Чтобы всё это осталось в их памяти, как сон. Красивый, добрый, но сон.

Матвей сидел, обхватив колени, и смотрел на огонёк в доме Пьера. Он думал о том, что сказал Корвус. О том, что он сам выбрал бы на месте Пьера. И не знал ответа.

— А если бы вы знали, что есть шанс? — спросил он. — Даже маленький. Один на миллион. Вы бы согласились рискнуть?

Корвус долго молчал. Потом встал, подошёл к окну, встал рядом с Матвеем.

— Если бы я знал, что есть шанс, — сказал он, — я бы сказал: попробуй. Но не ради меня. Ради себя. Чтобы ты мог потом жить с этим.

— С чем? — не понял Матвей.

— С тем, что ты не сдался. Что ты попытался. Что ты не позволил убить человека, не попробовав спасти. — Корвус повернулся к нему. — Это твой путь, стажёр. Не мой. Ты должен его пройти сам.

Матвей смотрел на него и чувствовал, как внутри разгорается решимость.

— Я попробую, — сказал он. — Если будет шанс. И если будет время.

— Время есть. Не много, но есть. — ответил Корвус. — Завтра начнём искать.

— Спасибо, — тихо сказал Матвей.

— Не за что, — усмехнулся Корвус. — Я просто старый дурак, который не может отказать молодому. Ложись спать. Завтра будет трудный день.

Утро в Сент-Эмильоне наступило неожиданно. Сначала небо на востоке посерело, потом стало розовым, потом золотым, и вот уже солнце выкатилось из-за холмов, заливая город светом, таким ярким, что Матвей зажмурился, стоя у окна таверны. Внизу, на площади, уже кипела жизнь. Кто-то отпирал лавки, кто-то выводил лошадей, кто-то перекликался с соседями. Пахло хлебом — в пекарне на углу только что вынули из печи первую партию. Пахло дымом, навозом и сладким мёдом, и ещё цветами, которые росли в палисаднике у церкви.

Корвус спал. Вернее, делал вид, что спит. Матвей слышал его дыхание — ровное, спокойное, но знал, что старый инквизитор не спит по ночам. Слишком много лет привычки. Слишком много лет ждать, когда нападут, когда выстрелят, когда придётся защищать. Но сейчас Корвус лежал с закры-

тыми глазами, и Матвей решил не будить его.

Он тихо оделся — штаны, рубаха, куртка. Надел сапоги. Проверил, на месте ли клинок. Пальцы коснулись рукояти, и он отдёрнул руку, будто обжёгся. Не сейчас. Не для этого.

Он вышел из комнаты, спустился по скрипучей лестнице, прошёл мимо хозяина, который протирал кружки за стойкой.

— Куда это вы спозаранку? — спросил Готье, даже не поднимая головы.

— Прогуляюсь, — ответил Матвей. — Город посмотрю.

Матвей вышел на улицу и остановился. Солнце било в глаза, и он прищурился, привыкая. Площадь была почти пуста — только несколько женщин с корзинами, да старик, который сидел на лавке у церкви и грелся на солнце. Кузница уже работала. Оттуда доносился звон металла — ритмичный, тяжёлый, успокаивающий. Матвей пошёл туда, не думая, что скажет. Не думая, зачем. Просто шёл.

У входа в кузницу он остановился. Пьер стоял у наковальни, разогревая в горне полосу железа. Он был без фартука, в одной рубахе с засученными рукавами. Он не заметил Матвея — или сделал вид, что не заметил. Матвей кашлянул.

— Месье?

Пьер обернулся. Лицо его было красным, мокрым от пота, но глаза — хорошие, спокойные, с лёгкой усмешкой. Он узнал Матвея.

— А, вчерашний покупатель, — сказал он. — Что-то уже

решили ?

— Нет ещё, — Матвей шагнул внутрь. — Я... мне нужна лошадь. Подковать. Только у меня нет лошади.

Пьер поднял бровь.

— Нет лошади, а подковать надо?

— Я... — Матвей чувствовал, как краснеет. — Я заплачу. Просто... мне нужно поговорить.

Пьер смотрел на него. Потом отложил молот, вытер руки о тряпку, висевшую на поясе.

— Поговорить, — повторил он. — Ты из тех, кто любит поговорить? Ладно. Садись.

Он кивнул на скамью у входа, сам сел рядом. Достал из кармана кусок хлеба, разломил пополам, протянул половину Матвею.

— Ешь. Голодный, небось? С утра не завтракал.

Матвей взял хлеб. Он был тёплым и пах свежей мукой. Он откусил кусочек, прожевал, чувствуя, как хлеб рассыпается во рту сухой, вкусной крошкой.

— Ты торговец, говоришь? — сказал Пьер, глядя на него. — Акцент у тебя странный. И одежда.

— Из Пуатье, — кивнул Матвей.

— Да-да, Пуатье, — усмехнулся Пьер. — А в Пуатье теперь так одеваются? И говорят?

Матвей понял, что проваливается. Легенда была слабой, а он — плохим актёром. Но Пьер не стал допытываться. Он просто сидел, жевал свой хлеб и смотрел на площадь, где уже

собирался народ.

— У меня есть сын, — сказал он вдруг. — Старший, Жан. Он тоже всё время хочет поговорить. О чём-то важном, о чём-то, что я не понимаю. Молодость — она такая. Всё ищет ответы.

— Вы счастливы здесь? — вырвалось у Матвея.

Пьер повернулся к нему. В глазах его мелькнуло удивление.

— Счастлив, — сказал он. — У меня есть работа, которую я люблю. Есть жена, которая меня ждёт. Есть дети, которые меня слушаются и не слушаются, как все дети. Есть дом, который я построил. Что ещё нужно человеку?

— А если бы... — Матвей запнулся. — Если бы вы узнали, что всё это — не настоящее?

Пьер смотрел на него, и лицо его стало серьёзным. Он отложил хлеб, повернулся к Матвею всем телом.

— Ты о чём, парень? — спросил он тихо.

Матвей молчал. Он смотрел в эти глаза — добрые, спокойные, чуть усталые. Глаза человека, который работал всю жизнь, который любил, который верил. И понимал, что не может сказать правду. Не может разрушить этот мир.

— Просто... — он сглотнул. — Просто я думал. Если бы мне сказали, что моя жизнь — не моя. Что я не настоящий. Я бы не знал, что делать.

Пьер помолчал. Потом положил руку ему на плечо — тяжёлую, мозолистую.

— Знаешь, что я тебе скажу? — сказал он. — Если это — не настоящее, тогда что же настоящее? Если моя жена не настоящая, почему она плачет, когда мне больно? Если мои дети не настоящие, почему они смеются, когда я прихожу домой? Если моя работа не настоящая, почему я чувствую усталость вечером и радость утром, когда снова беру молот?

Матвей молчал. В горле стоял комок.

— Настоящее — это то, что ты чувствуешь, — продолжал Пьер. — То, что ты делаешь. То, что ты оставляешь после себя. Я оставлю после себя сына, который продолжит моё дело. Я оставлю после себя дом, который построил. Я оставлю после себя добрую память. И это — настоящее. Всё остальное — слова.

Он убрал руку, встал.

— Ты, парень, видно, ищешь чего-то. Может, себя. Может, правду. Но правда она не в словах. Она здесь, — он коснулся груди. — И здесь, — он коснулся головы. — Найдёшь — поймёшь. А сейчас иди. Мне работать надо.

Матвей поднялся. Ноги дрожали, в глазах стояли слёзы, которые он не мог сдержать. Он хотел сказать что-то, но слова застряли в горле. Только кивнул, развернулся и пошёл прочь.

— Эй! — окликнул его Пьер. — А лошадь?

Матвей обернулся. Сквозь пелену слёз он видел кузнеца — широкоплечего, в заляпанной рубаше, с молотом в руке. Живого и настоящего.

— Нет лошади, — сказал он. — Извините.

Матвей почти побежал прочь, не разбирая дороги. Он свернул в переулок, прислонился к холодной стене и выдохнул. Долго и судорожно, будто задышался.

— Не могу, — прошептал он. — Не могу его убить.

Он стоял так, не двигаясь, пока шаги не стихли, пока голоса не стали тише. А потом поднял голову и увидел Корвуса. Тот стоял в конце переулка, прислонившись к стене, и смотрел на него. В руке — фляга, на лице — спокойствие.

Матвей не успел сделать и трёх шагов, как Корвус схватил его за плечо. Хватка была железной — рука вцепилась в куртку так, что затрещала ткань. Матвей дёрнулся, но Корвус уже тащил его подальше от площади, подальше от любопытных глаз.

— Ты что творишь?! — голос Корвуса был тихим, но в этой тишине чувствовалась такая ярость, что у Матвея по спине побежали мурашки. — Ты с ума сошёл? Нарушать все инструкции?

— Пустите! — Матвей вырвался, отступил на шаг, выставил руки, будто защищаясь. — Я просто...

— Просто? — Корвус шагнул вперёд, нависая над ним. Протез гудел на пределе, металлические пальцы сжались в кулак. — Ты влез в его жизнь! Ты дал ему понять, что он — не такой, как все! Ты рискнул всей операцией! Если он сейчас заподозрит неладное, если начнёт задавать вопросы,

если попытается бежать — всё пойдёт прахом!

— Он ничего не заподозрил! — возразил Матвей. — Он просто говорил со мной.

— Он не человек! — рявкнул Корвус.

Тишина повисла в переулке. Где-то далеко кричали петухи, где-то гремели телеги по булыжной мостовой, а здесь, в узком проходе между двумя домами, время, казалось, остановилось. Матвей смотрел на Корвуса и не узнавал его. Глаза наставника горели жёлтым огнём — холодным, почти ненавидящим.

— Он человек, — сказал Матвей, и голос его дрогнул, но он не отступил. — Вы видели его. Вы слышали, как он говорит о семье, о работе. Он настоящий. Живой.

— Он — ошибка времени, — отрезал Корвус. — Копия. Фантом.

— А вы? — Матвей шагнул вперёд, и теперь они стояли лицом к лицу. — Вы имеете право решать, кто живёт, а кто умирает? Вы — машина для убийств, которая выполняет приказы, не задумываясь?

Корвус замер. Протез загудел громче, металлические пальцы разжались, сжались снова. В глазах его мелькнуло что-то и Матвей на секунду испугался, что сейчас получит удар.

Но Корвус не ударил. Он стоял, тяжело дыша, и смотрел на Матвея так, будто видел его впервые. Потом медленно, очень медленно, разжал кулак. Здоровая рука опустилась,

протез затих, только тихое гудение напоминало о том, что механизм ещё работает.

— Машина для убийств, — повторил Корвус. — Ты так думаешь?

Матвей молчал. Он уже пожалел о своих словах, но отступить было поздно.

— Ты думаешь, я не знаю, что такое убивать? — продолжал Корвус. — Думаешь, мне нравится? Что я просыпаюсь утром с мыслью: «Кого бы сегодня прикончить»? — Он шагнул ближе, и Матвей инстинктивно отступил, упершись спиной в холодную стену. — Я убиваю, чтобы спасти. Я убиваю, чтобы другие жили. Я убиваю, потому что если не сделаю этого я, сделает кто-то другой. И сделает хуже.

— Но есть же другой способ! — выкрикнул Матвей. — Всегда есть!

— Всегда, — усмехнулся Корвус, но усмешка вышла кривой, невесёлой. — Я тоже так думал. Когда был молодым. Когда верил, что можно спасти всех. А потом понял: нельзя. Нельзя спасти всех. Нельзя сделать так, чтобы никто не страдал. Нельзя жить без потерь.

— Значит, надо просто сдаться? — Матвей чувствовал, как слёзы подступают к горлу, но он держался. — Принять, что мир жесток, и стать таким же жестоким?

Корвус отступил, прислонился к противоположной стене, достал флягу. Сделал глоток, вытер губы тыльной стороной ладони.

— Ты неисправим, стажёр, — сказал он. — Знаешь это?

— Знаю, — ответил Матвей.

— И как я говорил, ты либо погибнешь молодым, либо изменишь мир. — Корвус покачал головой. — Я ещё не понял, что хуже.

Он допил виски, спрятал флягу. Посмотрел на небо, где уже разгорался полдень, на крыши домов, на площадь, где по-прежнему кипела жизнь.

— Ладно, — сказал он. — Ищи другой способ. У тебя сутки.

Матвей не поверил своим ушам.

— Сутки?

— Сутки, — повторил Корвус. — Если найдёшь способ спасти его без риска для города — действуй. Если нет... — он помолчал. — Если нет, сделаем по-моему.

— А начальство?

— Начальству мы скажем, что задание выполнено. Эхо ликвидировано. — Корвус усмехнулся.

Матвей смотрел на него, и внутри разгоралась надежда.

— Вы можете?

— Помогу, — кивнул Корвус. — Но только сутки. И никаких самовольных походов к кузнецу. Если он заподозрит неладное, я лично пристрелю тебя. А потом его.

Матвей кивнул. Он понимал, что Корвус прав. Понимал, что риск огромен. Но он также понимал, что не может иначе.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответил Корвус. — Идём. Надо придумать план.

Они вышли из переулка и направились к таверне. Солнце стояло высоко, заливая площадь золотым светом. У кузницы по-прежнему толпились люди, из открытых дверей доносился звон металла и голос Пьера, который шутил с крестьянами.

4

4

Утро второго дня в Сент-Эмильоне началось с петушиного крика, который разбудил Матвея затемно. Он лежал на топчане, глядя в потолок, и слушал, как город просыпается. Сначала заскрипели двери, потом зазвучали голоса, потом запахло дымом и хлебом — в пекарне на углу уже работали. Где-то залаяла собака, заржала лошадь, закричал петух снова. Обычное утро. Такое же, как вчера. Такое же, как всегда.

Корвус спал. Вернее, делал вид, что спит. Матвей тихо оделся, подошёл к окну. Площадь была ещё пуста, только в кузнице уже горел свет. Пьер, как и вчера, поднялся затемно. Матвей видел его фигуру — широкоплечую, мощную — у горна. Он раздувал мехи, проверял инструмент, готовился к новому дню. Так же, как вчера. Так же, как, наверное, тысячи дней до этого.

— Смотришь? — раздался голос Корвуса.

Матвей обернулся. Корвус сидел на топчане, натягивая сапоги. Лицо его было спокойным, но под глазами залегли тени — не спал, значит.

— Смотрю, — ответил Матвей.

— И что видишь?

— Человека, который работает. Который живёт.

Корвус ничего не сказал. Подошёл к окну, встал рядом. Они смотрели на кузницу, на площадь, на просыпающийся город.

— Сегодня у него день рождения, — сказал Корвус.

Матвей знал. Он помнил это из файлов. Сорок восемь лет. Жена печёт пирог, дети готовят подарки. Старший вырезал фигурку лошади. Младший нарисовал картину. Девочка сплела пояс. Он помнил каждую деталь, каждую строчку из отчёта.

— Я знаю, — сказал он.

— Надо будет зайти, поздравить, — усмехнулся Корвус.
— Для приличия. Мы же купцы.

Матвей не ответил. Он смотрел, как из дома вышла жена Пьера — Мари. Она несла ведро с водой, поставила его у порога, вытерла руки о передник. Из-за угла выбежали дети — Жан и Пьер-младший. Они что-то кричали, спорили, толкались. Девочка, Жанна, вышла следом, держа в руках миску с мукой — помогала матери печь хлеб.

Матвей смотрел на эту картину, и внутри у него что-то переворачивалось. Вчера он искал слабости. Искал доказа-

тельства того, что Пьер — ошибка, что его жизнь — иллюзия, что дети — фантомы. Сегодня он искал другое. Доказательства реальности.

Дети играли в мяч. Самодельный, из тряпок и кожи, набитый шерстью. Они перекидывали его друг другу, кричали, смеялись. Жан, был сильнее, бросал дальше, и младший злился, когда не мог поймать. Обычная игра. Такая же, как у детей в любом времени, в любом городе.

— Смотри, — сказал Матвей. — Они играют.

— Вижу, — ответил Корвус.

— У них есть имена и характеры. Они ссорятся и мирятся. Они любят отца.

— Это их природа, — сказал Корвус. — Они созданы, чтобы быть детьми.

— А разве настоящие дети — не так же созданы? — возразил Матвей. — Разве они не рождаются, чтобы быть детьми? Чтобы расти и любить?

Корвус промолчал.

Жан помогал отцу в кузнице. Матвей видел, как он подавал инструменты, раздувал мехи, держал лошадей, пока отец подковывал. Он делал это уверенно, умело, как человек, который знает ремесло. Пьер что-то говорил ему, показывал, объяснял. Жан слушал, кивал, иногда спорил. Отец и сын. Учитель и ученик.

— Он учит его ремеслу, — сказал Матвей. — Передаёт знания и опыт.

— Это часть программы, — ответил Корвус. — Эхо создаёт вокруг себя мир, который кажется реальным. Оно достраивает детали, чтобы не было пустоты.

— А разве настоящие отцы не делают того же? — спросил Матвей. — Разве они не учат своих детей тому, что умеют? Разве не передают опыт?

Корвус не ответил.

Младший, Пьер-младший, таскал воду. Он бегал к колодцу, наполнял небольшое ведёрко, приносил в кузницу, выливал в кадку. Ему было двенадцать, но он работал старательно, не жалуясь. Потом он садился на крыльцо, смотрел на отца и старшего брата, иногда кричал им что-то. Потом снова бежал к колодцу.

— Он таскает воду, — сказал Матвей. — Устаёт. Отдыхает. Потом снова работает.

— Дети должны помогать, — сказал Корвус. — Это естественно.

— Даже если они — фантомы?

Корвус молчал.

Жена, Мари, пекла хлеб. Матвей видел её в открытое окно кухни. Она месила тесто, нарезала его на куски, складывала в печь. Она делала это быстро, ловко, привычными движениями. И пела. Тихо, себе под нос, какую-то старую песню. Слова были неразборчивы, но мелодия — тягучая, грустная — плыла над площадью, смешиваясь с запахом свежего хлеба.

— Она поёт, — сказал Матвей. — Вы слышите?

— Слышу, — ответил Корвус.

— Это может быть ненастоящим?

Корвус молчал. Он смотрел на дом, на жену, на детей, и лицо его было спокойным, только протез гудел чуть громче обычного.

— Это слишком живо, — сказал Матвей. — Слишком подробно. Слишком... реально. Чтобы быть иллюзией.

— Иллюзии бывают очень реальными, — тихо ответил Корвус.

— Но не настолько. — Матвей повернулся к нему. — Посмотрите на них. Они живут. Они дышат. Они любят. Это не может быть ошибкой.

Корвус перевёл взгляд на площадь, где дети всё ещё играли в мяч, где Пьер работал в кузнице, где Мари вынимала из печи свежий хлеб.

— Может, — сказал он. — Или не может. Я не знаю.

Матвей почувствовал, как внутри загорается надежда. Если Корвус сомневается, значит, есть шанс. Значит, можно попытаться.

— Мы должны их спасти, — сказал он. — Всех.

— Всех, — повторил Корвус. — Ты хочешь спасти Эхо, его жену, его детей, его дом, его город. Ты хочешь спасти иллюзию.

— Это не иллюзия, — твёрдо сказал Матвей. — Это жизнь. Настоящая. Для них.

Корвус смотрел на площадь, где солнце уже поднялось вы-

соко, заливая всё вокруг золотым светом. Где дети смеялись, где жена пела, где Пьер работал, не подозревая, что его судьба решается сейчас, здесь, в этой маленькой комнате.

Корвус ушёл в таверну пить, оставив Матвея одного. Это было странно — за все эти месяцы, они всегда были рядом. Даже когда ссорились, даже когда молчали, даже когда каждый думал о своём — они были вместе. А сейчас Корвус взял флягу, сказал: «Пойду, проветрюсь», и вышел. Просто вышел. Оставив Матвея одного в комнате с окном, выходящим на площадь, на кузницу, на жизнь, которую они должны были оборвать.

Матвей остался у окна. Не потому, что хотел смотреть. Он просто не мог оторваться.

Солнце стояло высоко, заливая площадь золотым светом. Тени стали короткими, почти незаметными. В кузнице всё ещё работали — Пьер и старший сын, Жан, били молотами по наковальне, выковывая что-то нужное, важное, настоящее. Жена, Мари, вышла на порог, вытирая руки о передник, и крикнула что-то мужу. Он поднял голову, улыбнулся, махнул рукой. Дети — младший и девочка — бегали по площади, гоняя тряпичный мяч.

Матвей смотрел на это и думал. Он думал о родителях. О Владиславе и Анне, чьи лица он знал только по фотографии. Они исчезли, когда ему было три года. Как он теперь знал, не погибли. Их превратили. Сделали монстрами. Заставили

убивать.

Он сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Если бы кто-то мог их спасти. Если бы существовал способ вернуть им человеческий облик, вытащить из-под власти Совета, освободить от проклятия, которое превратило их в тварей, пьющих чужое время. Если бы кто-то предложил ему шанс — пусть даже один на миллион, — разве он не сделал бы всё? Разве он не рискнул бы? Разве он не пошёл бы на всё, чтобы вернуть их?

— Да, — прошептал он в пустоту. — Я бы сделал всё.

А Пьер? Пьер Дюваль — кузнец из Сент-Эмильона. У него есть имя, лицо и голос. У него есть жена, которая печёт хлеб и поёт песни. У него есть дети, которые играют в мяч и помогают в кузнице. У него есть работа, дом, друзья и соседи. У него есть эта жизнь. Сорок лет жизни, о которых он ничего не знает. Сорок лет, которые он считает настоящими.

И он заслуживает шанса. Такого же, как родители Матвея. Такого же, как любой человек, который оказался в ловушке не по своей воле. Он не выбирал быть Эхо. Не выбирал быть копией. Не выбирал жить чужой жизнью. Он просто... был. Жил. Любил. Работал.

Матвей вспомнил их разговор у кузницы. Вспомнил, как Пьер смотрел на него своими добрыми, чуть усталыми глазами. Как говорил о сыне, который продолжит его дело. Как сказал: «Приходи ещё. Поговорим».

— Он не знает, — прошептал Матвей. — Он не знает, что

он — ошибка. Что его жена — не настоящая. Что дети — фантомы. Что весь его мир может исчезнуть в любой момент. Для него это — жизнь. Самая настоящая.

Он смотрел на площадь, где Жанна, девочка, поймала мяч и закричала от радости, подпрыгивая. Младший, Пьер-младший, засмеялся, хлопая в ладоши. Мари вышла на порог, чтобы посмотреть на детей, и лицо её было таким счастливым, таким живым...

— Как они могут быть ненастоящими? — спросил он вслух.

Корвус говорил, что дети Эхо — проекция. Что они не рождаются, не растут, не развиваются. Что это просто декорации, построенные подсознанием Пьера, чтобы заполнить пустоту. Но Матвей видел их. Видел, как Жан учится у отца, как спорит, как пытается сделать лучше. Видел, как младший таскает воду, устаёт, отдыхает и снова бежит к колодцу. Видел, как Жанна помогает матери, как поёт вместе с ней, как смеётся. Это не декорации. Это жизнь.

— Они настоящие, — сказал он. — Для себя — настоящие. Для Пьера — настоящие. Для этого города — настоящие.

Пьер сказал: «Настоящее — это то, что ты чувствуешь. То, что ты делаешь. То, что ты оставляешь после себя». И эти дети оставляют. Жан продолжит дело отца. Младший, может, станет священником, как мечтает. Жанна выйдет замуж, родит детей. Они оставят после себя след. Даже если

этот след — только в памяти тех, кто их знает. Разве этого недостаточно?

— Мы должны их спасти, — прошептал Матвей. — Всех.

Он не знал, как это сделать. Не знал, где взять якорь, который зафиксирует временную линию. Не знал, как уговорить начальство дать разрешение. Не знал, успеют ли они до того, как аномалия дестабилизируется. Но он знал одно: он не позволит им умереть.

Закат в Сент-Эмильоне был похож на пожар. Солнце опускалось за холмы медленно, нехотя, будто не желая расставаться с этим маленьким городком, с его черепичными крышами, с его узкими улочками, с его площадью, где жизнь кипела с утра до вечера. Небо полыхало багровым и золотым, облака превратились в расплавленное серебро, и даже камни мостовой, казалось, впитали этот свет, светясь изнутри тёплым, уютным огнём.

Матвей стоял у окна таверны, не в силах оторваться.

Внизу, у кузницы, Пьер только что закончил работу. Он снял фартук, повесил его на гвоздь у входа, вытер лицо рукавом. Жена, Мари, вышла на крыльцо, держа в руках кувшин с водой и полотенце. Она протянула ему, и он умылся, отфыркиваясь, как большой зверь, вернувшийся с водопоя. Она смотрела на него и улыбалась. Просто улыбалась. Так, как улыбаются женщины, которые любят своих мужей. Не для кого-то, не напоказ. Просто потому, что он здесь, потому

что он вернулся, потому что он — её.

— Ты сегодня много работал, — сказала она тихо.

— Работа, — ответил Пьер, вытирая шею полотенцем. — Она не ждёт.

— И я не жду? — Она притворно нахмурилась, но в глазах её плясали смешинки.

— Ты — другое. — Он обнял её, притянул к себе, поцеловал в макушку. — Ты у меня всегда ждёшь. Спасибо тебе.

Она прижалась к нему, и они стояли так, не двигаясь, в этом закатном свете, и казалось, что время для них остановилось. Что нет ничего, кроме этой минуты, этого тепла и близости.

Из-за угла выскочили дети. Жан нёс на плече Пьера-младшего, который что-то кричал и махал руками. Жанна, бежала следом, держа в руках корзину с яблоками.

— Папа! — закричал младший. — Папа, смотри, что я нашёл!

Он спрыгнул с плеча брата, подбежал к отцу, вытащил из кармана что-то маленькое, блестящее. Медную монету, блеснувшую в лучах заката.

— На площади, у фонтана! — тараторил он. — Я её нашёл! Теперь я богатый!

— Богатый, — засмеялся Пьер, подхватывая сына на руки. — А что ты купишь на своё богатство?

— Конфет! — выпалил мальчик. — Много конфет! И тебе, и маме, и Жану, и Жанне!

— Всем? — притворно удивился Пьер. — А себе?

— И себе тоже! — засмеялся мальчик.

Жан подошёл, взял у матери кувшин, отпил воды, вытер рот рукавом. Он был похож на отца — такой же широкоплечий, такой же сильный, с теми же серыми глазами, в которых светилась усмешка.

— Я завтра в кузнице доделаю подковы, — сказал он. — Тот заказ, из Бордо.

— Хорошо, — кивнул Пьер. — Я посмотрю.

— Ты всегда смотришь, — буркнул Жан, но без обиды.

— Потому что ты мой сын, — ответил Пьер. — И я хочу, чтобы ты стал лучшим.

Жан хотел что-то сказать, но только махнул рукой и отвернулся, скрывая улыбку. Жанна вышла вперёд, держа в руках свёрток, перевязанный ленточкой.

— Папа, это тебе, — сказала она тихо. — С днём рождения.

Пьер поставил младшего на землю, взял свёрток. Развязал ленту, развернул ткань. Внутри был пояс — длинный, плетёный из разноцветных нитей, с кисточками на концах.

— Сама делала? — спросил он, и голос его дрогнул.

— Сама, — кивнула Жанна, опуская глаза. — Всю неделю плела. Нравится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.